

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

РА

Тур Хейердал

«Ра»

«Гельветика»

1970

Хейердал Т.

«Ра» / Т. Хейердал — «Гельветика», 1970

Тур Хейердал – один из самых известных путешественников XX века. В один прекрасный день он решил проверить, могли ли древние египтяне выходить за пределы дельты Нила и совершать плавания до Ливана и даже до Америки. И делать это на папирусной лодке! Так состоялась очередная экспедиция, о которой Тур Хейердал написал увлекательную книгу.

© Хейердал Т., 1970

© Гельветика, 1970

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тур Хейердал «Ра»

Thor Heyerdahl
RA

Произведено по заказу издательства «Бертельсманн Медиа Москва» (БММ)

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1970

Norwegian edition published by Gyldendal Norsk Forlag AS, Oslo

Published by agreement with Hagen Agency, Oslo and Gyldendal Norsk Forlag AS, Oslo

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014

* * *

Глава 1

Один ребус, два ответа и никакого решения

Ветер качает тростинку.

Мы обламываем ее.

Она лежит на воде и не тонет. Посади лягушку – выдержит.

Ветер колышет 200 тысяч тростинок, вдоль берега простерся сплошной зеленый луг.

Мы срезаем тростинки. Вяжем большие снопы. Кладем на воду. И становимся на них. Русский, уроженец Чада, мексиканец, египтянин, американец, итальянец и я – норвежец. С нами обезьянка и тьма кудахтающих кур. Мы пойдем в Америку. Пока что мы в Египте. Ветер несет песок, кругом сушь, кругом Сахара.

Абдулла заверяет меня, что снопы будут держаться на воде. Я объясняю ему, что до Америки далеко. Он слышал, что в Америке не любят черную кожу. Я стараюсь его убедить, что это не так. Он не знает, в какой стороне Америка. Но мы до нее доберемся, если ветер дует туда. Снопы нас не подведут, только бы веревки выдержали, говорит он. Только бы веревки выдержали. Выдержат или нет?

Кто-то потряс меня за плечо, я проснулся. Абдулла.

– Три часа, – докладывает он. – Мы опять начинаем работать.

Палатка горячая от солнца. Я сел и, прищурив глаза, выглянул наружу. Там владычествовали сухой зной и слепящее солнце Сахары. Солнце, солнце, солнце. Накаленная солнцем плоскость смыкалась со сводом несравненной синевы, косые лучи озаряли сухое безоблачное небо над миром золотисто-серого песка. На фоне неба акульими зубами торчали три большие и две малые пирамиды. Незыблемые, неизменные, стоят они так с той далекой поры, когда человек был неотъемлемым от природы и созидал природу.

А в пологой ложбине, на песке около пирамид, желтело нечто, вырванное из тока времени, созданное вчера, созданное пять тысяч лет назад: корабль в песках, этакий Ноев ковчег, севший на мель в сахарской пустыне, далеко от водорослей и волн. Рядом стояли два верблюда. Они что-то жевали. Что? Может быть, обрезки нашей ладьи, «бумажной» ладьи. Ведь ее сделали из папируса¹. Золотистые стебли связали в снопы, из этих снопов собрали лодку – вот она, с высоким носом и кормой, словно лунный серп на фоне неба.

Абдулла уже спускался в ложину. Два чернущих будума в просторных белых тогах карабкались на ладью, ярко одетые египтяне волокли снопы папируса. Работать так работать!

– Бут! Бут! – кричал Абдулла. – Еще папируса!

Я вышел на горячий песок, пошатываясь, как будто очнулся после тысячелетнего сна. Все эти люди работали для меня, это мне взбрело в голову возродить искусство строительства лодок, которые фараон Хеопс и его потомки уже начали забывать, когда возводили могучие пирамиды – те самые, что теперь, будто горная гряда, отделяли возникшую из тьмы веков строительную площадку от бурлящих водоворотов двадцатого века на улицах Каира, раскинувшегося в зеленой нильской долине.

Нас окружал сплошной песок. Жаркий песок, пирамиды, снова песок и стога просушенной солнцем травы – хрупкого, горючего папируса; рабочие тащили его к смоляно-черным африканцам, и те, сидя на желтом полумесяце, затягивали веревочные петли руками, зубами и ногами. Они строили лодку, папирусную лодку. *Кадай* называли ее на своем языке – языке племени будума эти ребята. Ловкие пальцы и крепкие зубы вязали узлы так, что сразу видно мастеров своего дела.

¹ *Папирус* (*Cyperus papyrus*) – высокое травянистое растение из семейства осоковых. – *Примеч. ред.*

Бумажным корабликом называли нашу лодку сотрудники Института папируса в Каире, которые размачивают эти растения в воде и превращают колотушками в хрупкую бумагу, чтобы туристы и научные работники могли своими глазами увидеть, на чем писали иероглифами свои труды первые в истории человечества ученые.

Стебель папируса – сочный и мягкий, ребенок может его согнуть и сломать. Высушенный, он обламывается, как спичка, и горит, как бумага.

На песке у моих ног лежал безжалостно скрученный, весь изломанный сухой стебель. Его швырнул здесь старый араб, сперва возмущенно смял, потом бросил, плюнул и презрительно показал на него пальцем. Дескать, что это за материал, он не держит гвоздя, как к нему мачты крепить! Искушенный лодочный мастер, этот араб приехал на автобусе из Порт-Саида, чтобы принять заказ на мачту и такелаж для нашей лодки. И до того осерчал, что следующим же автобусом укатил обратно к морю. Что за насмешки над честным тружеником! Или нынешние совсем уже не знают, что нужно для настоящей лодки? Напрасно ему объясняли, что именно такие лодки в большом количестве изображены в склепах древних строителей пирамид, похороненных в здешней пустыне.

– Ну и что?! Там и не такое намалевано, есть и люди с птичьей головой, и крылатые змеи! А папирус, сами убедитесь – это же трава, мягкие стебли, ни гвоздь вколотить, ни шуруп завинтить. Стог сена. Бумажная ладья. Попрошу оплатить обратный проезд.

И уехал. Но ведь лодке нужна мачта... Наши чернокожие друзья с озера Чад в сердце Африки клялись, что этот мастер – олух, он, наверно, никогда не видел настоящей *кадай*, их вяжут из этого самого папируса. Правда, мачт на *кадай* не ставят, да и к чему нам мачта, когда все люди веслами гребут. Озеро Чад огромное, неужели океан больше! И друзья невозмутимо продолжали связывать вместе снопы папируса. Тут они могли хоть кого поучить. А этот араб из Порт-Саида – просто невежда, он же в глаза не видел *кадай*.

Я вернулся в палатку и достал из портфеля зарисовки и фотографии древних египетских фресок и моделей. Вот папирусные лодки – ни гвоздей, ни костылей. Под мачту поверх папируса уложена и укреплена веревками широкая, прочная деревянная пята, нижняя часть мачты вставлена в нее и крепко с ней связана... Я отложил зарисовки и лег на сваленные около палатки веревки. Здесь не так жарко, можно поразмыслить... Итак, что я, собственно, затеял и какие у меня основания считать, что на такой лодке можно было выйти из дельты Нила в море? По чести говоря, моя догадка опирается скорее на интуицию, чем на конкретные факты.

Когда я задумал построить из бальсовых бревен плот «Кон-Тики», у меня были совсем другие отправные точки.

Я в жизни не видел бальсы и никогда не ходил на парусной лодке, не говоря уже о плоту, но у меня была гипотеза, были веские данные и логический вывод. Теперь нет ни того, ни другого, ни третьего. В тот раз я был вооружен объемистой рукописью, полной надежных, на мой взгляд, свидетельств того, что представители древнейшей культуры Перу задолго до какого-либо другого народа достигли островов Полинезии. Было известно, что у древних перуанцев к понятию «морское судно» ближе всего подходил бальсовый плот. Отсюда я делал вывод, что этот плот был вполне мореходным и мог благополучно перенести людей и культурные растения через океан из Перу в Полинезию. Вот и все аргументы, однако вывод подтвердился.

Теперь дело обстоит иначе. Я вовсе не предполагаю, что египтяне принесли свою культуру на далекие острова или континенты. Многие считают, что задолго до Колумба древние египтяне достигали тропической Америки. Я такой гипотезы не выдвигаю, у меня нет свидетельств ни за, ни против. К тому же и в Месопотамии тоже строили пирамиды. Я увлечен проблемой, но не вижу убедительного ответа. В этой мозаике науке недостает еще слишком многих кусочков. Огромный пробел в хронологии, необъяснимые противоречия, да и путь через океан неизмеримо больше пути через Нил...

Для передвижения по воде у древних египтян первоначально были только лодки из папируса. Потом у них появились длинные парусные суда; выходить на этих судах в море в большую волну было опасно, зато они идеально подходили для всяких перевозок и путешествий по тихому Нилу. В нескольких стах метрах от моей палатки, у самой пирамиды Хеопса, мой египетский друг Ахмед Юсеф, улыбчивый бородач, как раз занимался сборкой одного из великолепных деревянных кораблей фараона.

Совсем недавно археологи установили, что вокруг пирамиды с каждой стороны были закопаны корабли, итого четыре. Они сохранялись в герметичных камерах глубоко под землей, прикрытые сверху большими каменными плитами. Пока что вскрыта только одна камера, в ней обнаружены сотни толстых кедровых досок, и древесина такая же крепкая, какой была при захоронении свыше 4600 лет назад, за 2700 лет до нашей эры. Главный хранитель египетских древностей самолично продевал в тысячи дырочек новые веревки взамен сгнивших. Заново сшитый корабль получился больше сорока трех метров в длину, с удивительно изящными обводами, вполне способный размерами и красотой поспорить с ладьями викингов, которые начали бороздить Северное море, Атлантический океан и Средиземное море несколькими тысячелетиями позже. Только в одном эти два типа судов существенно отличались друг от друга: ладьи викингов были рассчитаны на нелегкий поединок с океанской волной, а корабль Хеопса предназначался для парадных выездов на тихом Ниле.

След, оставленный на дереве веревками, говорит о том, что древний корабль немало послужил, это не была так называемая «солнечная ладья», построенная для последнего плавания фараона. Но корпус сделан так, что он был бы разрушен при первой же встрече с высокими морскими волнами. Это очень странно. Ведь строгие, совершенные обводы корабля Хеопса не вяжутся с представлением о речном судне; мастерски набранный корпус с высоким носом и кормой, казалось бы, во всем обличает морской корабль, нарочно сделанный так, чтобы переваливать через прибой и крутую волну. Конечно, это не случайно, тут есть над чем призадуматься. Фараон, живший на тихом берегу Нила почти 5 тысяч лет назад, построил ладью, которая выдерживала только легкую речную рябь, хотя обводам ее могли бы позавидовать лучшие мореходные нации мира. Хрупкое речное судно сделано по образцу, созданному народом с давним, большим опытом морских плаваний.

В чем же дело? Одно из двух. Либо плавные обводы морского корабля были творением египетских мореплавателей той самой поры, когда другие гениальные египтяне уже создали письменность, астрономию, строили пирамиды, делали операции на черепе, изготавливали мумии. Либо кораблестроители фараона учились в других странах. Похоже, что последнее вернее. В Египте нет кедра, материал для корабля Хеопса был привезен из лесов Ливана. А в Ливане жили финикийцы, опытные кораблестроители, избородившие все Средиземное море на своих судах. Их главный порт Библ, один из древнейших городов мира, ввозил из Египта папирус, ведь здесь был центр изготовления книг, отсюда само название Библ или Бибел, то есть книга. Во времена, когда строилась пирамида Хеопса, между Египтом и Библом велась оживленная торговля, так, может быть, у финикийцев корабельщики фараона позаимствовали конструкцию своих судов? Может быть.

Все дело в том, что нам очень мало известно о внешнем облике финикийских кораблей. Во всяком случае, они вряд ли были папироформными, то есть сделанными по образцу папирусной ладьи. Ведь папирус не рос в Ливане, а ладья фараона Хеопса была папироформной. Все крупные деревянные суда времен фараонов были папироформными, их очертания напоминали папирусную ладью.

Тут мы подошли к самому главному. Образцом для корабля Хеопса послужила папирусная лодка. Именно ей были присущи характерные черты морского судна. Нос и корму делали высокими, изогнутыми вверх, выше, чем на ладьях викингов, чтобы судно переваливало через морскую волну и прибой, а не для того, чтобы оно приминало мелкую рябь на реке. Папирус-

ная лодка передала свою форму деревянному кораблю, а не наоборот. И конструкция папирусной лодки уже полностью сложилась к тому времени, когда по велению первых фараонов на стенах гробниц изображали их мифических божественных предков. Причем когда легендарные зачинатели фараонова рода – бог солнца и птичеловеки – изображены на кораблях, то это не финикийские деревянные корабли, не плоты и не речные плоскодонки, а серповидные папирусные ладьи, форму которых в точности повторили строители корабля Хеопса, вплоть до изгибающегося внутрь высокого ахтерштевня, увенчанного символом цветка папируса.

Чтобы построить ладью так, как строили египтяне, когда средиземноморская культура на берегах Нила делала свои первые шаги, нужен не топор и знание плотницкого ремесла, а нож для резки папируса и веревка. Ножом и веревками были оснащены африканцы Мусса, Умар и Абдулла, которые в эту минуту вязали у подножия пирамид Хеопса, Хафра и Мен-Кау-Ра папирусную лодку такого же вида, как древние ладьи, изображенные на стенах гробниц в пустыне по соседству с нашей строительной площадкой.

Зачем? Что я хотел доказать? Да ничего, ровным счетом ничего. Я хотел только выяснить – выяснить, можно ли на такой лодке выходить в море. Правы ли специалисты, считающие, что финикийцы сами ходили за папирусом в Египет, потому что египтяне с их папирусными лодками не могли плавать за пределами дельты Нила. Или, может быть, древнейшие египтяне были опытными судостроителями и мореплавателями, прежде чем осели на месте и стали ваятелями, фараонами, мумиями. Я хотел выяснить, способна ли папирусная лодка пройти по морю 400 километров – путь от Египта до Ливана. Выяснить, не может ли лодка из папируса пройти еще дальше, от одного материка до другого. Выяснить, не может ли она дойти до Америки...

Зачем? Да затем, что никто не знает, кто же первым достиг Америки. В учебниках написано, что это был Колумб. Но Колумб не открыл Америку. Он был повторным открывателем. Чрезвычайно смелый и проникательный человек, он вышел на кораблях в неведомое, твердо убежденный, что Земля круглая и он не свалится с ее края. Имя Колумба знаменует перелом в истории, он изменил образ жизни целой части света, дал толчок рождению могущественных государств, и со временем там, где раньше были только леса и кустарники, выросли небоскребы. Но не Колумб открыл Америку. Он проложил туда дорогу для других, однако это было уже в 1492 году нашей эры.

Когда же Америка была открыта? Это никому не известно. Первый человек, ступивший на американскую землю, не был знаком с понятием летоисчисления. У него не было календаря. Не было письма. При своих ограниченных географических представлениях он и не подозревал, что достиг нового материка, где еще не бывало людей.

Первый представитель *Homo sapiens*, пришедший в Америку, был кочующий охотник и рыболов. Подобно своим отцам и дедам, он бродил вдоль суровых берегов арктической Сибири и в один прекрасный день очутился на восточном берегу полностью или частично скованного льдом Берингова пролива, не подозревая, что до него в здешней тундре топтали сугробы только дикие звери. Мы не знаем сегодня, пересек ли он Берингов пролив пешком по льду или на утлой лодчонке. Знаем только, что первый человек, умерший на американской земле, родился в арктической Азии. И еще нам известно, что открыватель Америки не знал ни металла, ни ткачества, что он прикрывал свое тело звериными шкурами или обработанной колотушками корой, что его оружие и орудия труда были сделаны из кости и камня, ведь это был человек каменного века.

Мы не можем точно сказать, когда потомки первооткрывателей Америки начали распространяться через Аляску на юг в Северную, Среднюю и Южную Америку. Одни полагают, что заселение Нового Света началось около 15 тысяч лет до нашей эры, другие утверждают и доказывают, что эту цифру можно по меньшей мере удвоить. Но все сходится на том, что воротами в Америку были ледяные просторы Арктики, и первыми в них вошли бродячие орды, коим суж-

дено было стать предками многочисленных и чрезвычайно разнообразных этнических групп, которых мы привыкли именовать «американскими индейцами».

Узкий пролив между арктической Азией и Аляской продолжал оставаться доступным для кочующих племен, и многие находки говорят за то, что первобытные общины и потом переходили из Сибири в Америку и обратно. А цепочка Алеутских островов и Куру-Сиво к югу от нее служили мостом для тех, у кого были лодки. От Аляски на севере до Огненной Земли на юге новые поколения поселялись в иглу и вигвамах, в хижинах и пещерах, ведь в Новом Свете есть все разновидности климата и географической среды. Эндогамные браки при изоляции, новые переселения и смешанные браки – все это, вместе взятое, способствовало возникновению множества различных индейских племен Америки, резко отличающихся между собой, и не только лицом и телосложением: они подчас говорили на языках, которые даже не назовешь родственными, и вели совершенно разный образ жизни.

И вот тут-то наконец появился Колумб. 12 октября 1492 года он сошел на берег Сан-Сальвадора со своим знаменем и крестом, а за ним явились Кортес, Писарро и прочие испанские конкистадоры. Никто никогда не отнимет у Колумба его заслуги, это он распахнул ворота Америки для всех нас, кому не пришлось идти в нее по льду. Но мы, европейцы, как-то уж очень легко забываем, что на берегу его встречали тысячи людей. Что на континенте за островами, на которых он высадился, гостей ждали высокоразвитые государства. Тамошние ученые поведали испанцам, что сюда и раньше приходили из-за океана белые бородатые люди, что эти пришельцы посвятили их во все секреты цивилизации, что испанцев давно ожидают, ведь представители заморской культуры обещали их предкам вернуться.

И правда, в этой части Америки жили отнюдь не те первобытные охотники и рыболовы, которые первоначально пришли в Новый Свет из сибирской тундры. Напротив, в тропической полосе с ее далеко не бодрящим климатом, куда доставили испанцев пассатные ветры и могучее океанское течение, их встретили высокообразованные люди. Они сами делали книги из бумаги, изучали астрономию, историю, врачебное искусство. Они читали и писали, пользуясь собственным письмом. У них были настоящие школы и научные обсерватории. В астрономии и географии они достигли замечательных успехов: точно рассчитали движение небесных тел, вычислили положение экватора, эклиптики, северного и южного тропиков, различали звезды и планеты. Сложный календарь этих людей был точнее того, который знали в Европе во времена Колумба; их летоисчисление – год 0 мая – начиналось, в пересчете на наш календарь, 3113 годом до нашей эры. Где позволял климат, врачи весьма умело бальзамировали знатных покойников, и подобно древним египтянам они делали трепанацию черепа – искусство, которым врачи Европы еще не владели и сто, и двести лет спустя после того, как Колумб пересек океан.

Просвещенные и непросвещенные граждане жили в выстроенных по плану городах с ровными улицами, водостоком, канализацией, рыночными площадями, спортивными площадками, школами и дворцами. Тут нельзя было увидеть палаток и шалашей, горожане изготавливали кирпич из глины с соломой, такой же, как в странах Средиземноморья, и строили настоящие дома в два и больше этажей. В домах побогаче были залы с колоннами, а стены украшались барельефами и замечательными фресками; у художников были яркие и прочные краски. Широко применялись ткацкие станки; испанцы увидели гобелены и плащи, которые композицией узоров и тонкостью изготовления превосходили все, что они знали на своей родине. Искусные гончары лепили вазы и блюда, кувшины и кубки, людей, животных, разные бытовые сценки, и мастерство их ничуть не уступало лучшим произведениям классических культур Старого Света. А золотые и серебряные изделия здешних ювелиров технически и эстетически стояли так высоко, что испанские «открыватели», потеряв от радости голову и совесть вместе с ней, схватились за меч...

Над крышами домов из сырцового кирпича высились огромные ступенчатые пирамиды, храмы, могучие изваяния священных правителей; мощные дороги, хитроумные акведуки и мосты изменили лицо края. Нескончаемые земледельческие террасы с искусственным орошением давали обильный урожай корнеплодов, местных злаков, овощей, фруктов, лекарственных и других культурных растений. Даже хлопчатник был окультурен селекционерами и возделывался на больших площадях. Местные жители пряли шерсть и хлопок, красили пряжу и делали ткани, нередко превосходившие качеством лучшие ткани Европы.

Так кто же кого открыл? Те, кто стояли на суше и смотрели на приближающиеся суда, или те, кто, стоя на палубе, разглядывали людей на берегу? Священный правитель слышал от своих дедов, что он происходит от Солнца через белых бородатых людей, которые явились на паланкинах с зонтом и опахалом. Музыканты правителя играли на флейтах и трубах, били в барабаны, звенели серебряными колокольчиками. Его сопровождала личная охрана и многотысячная регулярная армия; разведчики обнаружили горсточку испанцев, которые сошли с кораблей на сушу и двинулись внутрь страны, к столице.

С могущественным царством ацтеков в Мексике произошло то же, что с огромной империей инков в Южной Америке. Горстка бородатых, белокожих испанцев захватила обширные государства, что называется, без единого выстрела. И все потому, что ученые и жрецы в этих странах сохранили иероглифические записи и религиозные предания: будто бы белые бородатые люди принесли их предкам блага культуры, а потом ушли дальше, в чужие края, но обещали вернуться назад. Сами индейцы были безбородые, как и все люди с желтовато-коричневой кожей, проникшие на материк с севера. А испанцы, которых они «открыли» у себя на берегу, были белокожие и бородатые, как и все культурные герои местных преданий, и могущественнейшие самодержцы того времени от души приветствовали их «возвращение» в Мексику и Перу.

Но недолго длилось знакомство остального мира с великими цивилизациями Нового Света, от империй ацтеков и майя на севере до царства инков на юге, которые протянулись, словно бусины на нитке, не выходя за тропики в те части Америки, где в наше время особенно наглядно проявились инициатива и трудолюбие человека. Занавес, поднятый Христофором Колумбом, был очень быстро опущен теми, кто последовал за ним. Всего несколько десятилетий – и полнокровные государства с замечательной культурой рухнули. Частью уничтоженные, частью воспринявшие другие элементы, они обрели новые формы, причем мы, европейцы, охотно приписываем себе заслугу создания всего позитивного, что принято связывать с культурой, а какие-то экзотические минусы относим к наследию доколумбовой поры. И все потому, что алчные до золота конкистадоры, преступно прячась за крест, сумели задернуть занавес раньше, чем кто-либо успел как следует уразуметь, что они нашли на другом конце земного шара.

Так что же происходило в Мексике и Перу до того, как Колумб явился в Америку? Можно ли считать первобытного человека из арктической тундры единоличным зачинателем всего того, что обнаружили испанцы? Или имелись другие пути в Древнюю Америку? Может быть, и в Америке, как всюду на земном шаре, еще до Колумба происходило смешение племен? Может быть, потомки переселенцев из Арктической Азии встречали мореплавателей на берегу Мексиканского залива в те далекие времена, когда цивилизация из Африки и Малой Азии распространилась на берега варварской Европы?

Вот в чем вопрос. А ответ? Нет. Конечно нет. Пожалуй, нет. Пожалуй... Жесткая веревка терла мне спину, и я сел. Пожалуй. Проклятый вопрос. Я лег удобнее. И не видно решения, сколько ни ломай голову. Мысли вращались в замкнутом кругу. Если древние цивилизации Америки всецело сложились в Мексике или Перу, естественно ждать, что археологи обнаружат следы их постепенного развития. Но в каком бы из исторических центров Мексики или Перу ни производили раскопки, они показывают, что цивилизация явилась в сложившемся виде, а уже

дальше развивался тот или иной местный вариант. Завязки обнаружить пока не удастся. Казалось бы, все ясно: импорт. Заморское влияние. Но ведь великие культуры расцвели в Новом Свете за несколько веков до нашей эры, если верны нынешние теории, а к этому времени прошло около двух тысяч лет, как перестала существовать соответствующая культура в Египте.

Так зачем же строить папирусную лодку? Мысли полетели дальше. Через Америку в Тихий океан. Там я чувствовал себя более уверенно. Сколько лет отдано исследованиям и полевым работам в этой области. В Египет я впервые прибыл простым туристом четыре года назад и увидел в Долине царей настенные изображения папирусных лодок. Лодки показались мне знакомыми. Примерно такие же рисовали на своих кувшинах строители пирамид Северного Перу во времена расцвета их культуры, задолго до заселения Полинезии. У самых больших перуанских камышовых лодок на этих изображениях двойная палуба. На нижней палубе – множество кувшинов с водой и прочий груз, а также маленькие фигурки людей; на верхней палубе обычно стоит земной наместник бога Солнца, священный правитель. Его огромную фигуру окружают люди с птичьей головой, которые нередко тянут за веревки, ускоряя движение ладьи. На папирусных лодках, изображенных на стенах египетских гробниц, тоже показан сверхъестественного роста земной наместник бога Солнца, священный правитель – фараон, его тоже окружают маленькие фигурки, и мифические птичечеловеки тянут за веревки.

Похоже, что есть какая-то необъяснимая связь между камышовыми лодками и людьми с птичьей головой. Ведь и в Тихом океане, на макушке самого высокого вулкана острова Пасхи, в древнем ритуальном селении с солнечной обсерваторией главный мотив рельефов и фресок – неразлучное трио: маска бога Солнца, камышовые лодки под парусами и птичечеловеки. Остров Пасхи, Перу, Египет. Можно ли представить себе более обособленные друг от друга районы? И можно ли сыскать лучшее доказательство того, что люди в совершенно разных местах независимо друг от друга изобретают одно и то же? Вот только странно, что исконные жители Пасхи называли солнце «ра». И это не случайность, ведь на других островах Полинезии солнце тоже называлось «ра». «Ра» – и в Египте так именовалось солнце. Трудно найти в религии древних египтян более важное слово: «Ра» – солнце, солнечный бог, прародитель фараонов. Это он плывал на папирусной лодке, окруженный птичечеловеками. И на острове Пасхи, и в Перу, и в Древнем Египте воздвигали в честь земных наместников бога Солнца монолитные изваяния ростом с дом. А также высекали каменные плиты величиной с железнодорожный вагон и сооружали ступенчатые пирамиды, согласуя их положение с движением солнца по небу. Также в честь Ра, которого во всех этих трех местах почитали как прародителя. Что это – случайность, или тут кроется какая-то взаимосвязь?

Сто лет назад, когда паруса гордо реяли над морями, считалось, что никакие дали не останавливали древних в их странствиях: ведь сумели же Магеллан, капитан Кук и многие другие, пользуясь только силой ветра, обогнуть земной шар. Но мы изобрели винт и реактивный двигатель, для каждого нового поколения наша планета становилась все меньше и меньше, и возникло представление, что прежде, чем дальше от наших дней, тем больше мир должен был казаться людям, а до Колумба и вовсе мыслился необъятным и непроходимым.

На всякого, кто учился в школе, производит магическое действие дата – 1492 год. Год, когда Колумб достиг Америки. И когда земля стала круглой. Раньше ее мыслили плоской, и океан был плоским, поэтому все, влекомое ветрами и течениями, неизбежно должно было свалиться с края в бездну. Вернее говоря, земля и до Колумба была круглой, но не совсем, а вроде половинки яйца. Так или иначе, если уплыть достаточно далеко в океан, все равно упадешь с края земли.

До 1492 года ни одна камышинка не могла проплыть над бездной в неведомую даль. После того как Колумб сделал нашу планету шаром, с нее уже ничто не сваливалось. Теперь все уплывающее в Атлантику прибывало к возникшим из морской пучины новым берегам. К тем же островам, куда прибило Колумба, или к тропическому побережью сразу за ними.

Колумб стал своего рода Святым Петром, открывшим ворота в Новый Свет. За ним последовали тысячи каравелл и других парусных суденышек. А в XX веке любители приключений гуртом пересекают Атлантический океан на шлюпках, надувных лодках, амфибиях и байдарках.

Патент покорителя Атлантики выдан Колумбу. До него в Америку можно было попасть лишь пешком – в мокасынах или без них – вдоль заснеженной кромки льда из пустынных дебрей Сибири через морозную Арктику. Здесь, на севере, нельзя было сажать хлопок и строить кирпичные дома, на этот счет никаких разногласий нет. Но как те же люди, достигнув сонных тропиков, надумали разводить хлопчатник, дающий волокно для пряжи и тканей? И как они в жарком климате надумали мешать глину с соломой и лепить кирпичи, чтобы строить настоящие дома? Здесь кончается согласие. Здесь начинается спор между теми, кто искал ответа на эти вопросы.

Одним из последних, кто запросто отправлял древних в кругосветные плавания, был англичанин Перси Смит. В культурах Мексики и Перу он находил столько общих с культурой Древнего Египта специфических черт, что предполагал контакты через океан. А обнаружив те же удивительные совпадения на Пасхе и ближайших к Перу островах, он взял линейку и атлас мира и соединил прямой линией Египет через Красное море, Индийский и Тихий океаны с Полинезией и Южной Америкой. Вот как солнцепоклонники пришли в Америку, написал он. Через остров Пасхи.

Другие ставили перед собой глобус и качали головой. На круглом глобусе видно, что Тихий океан охватывает почти половину окружности земли, занимая чуть не целое полушарие. Проплыв на восток 4 тысячи километров, египетские мореплаватели подошли бы к Индии. И от острова Пасхи их бы еще отделяла ровно половина земной окружности. А южноамериканские мореплаватели, отчалив от берегов империи инков и пройдя на запад 4 тысячи километров, уже достигли бы острова Пасхи. На плоту «Кон-Тики», построенном по инкскому образцу, мы прошли от Перу на запад 8 тысяч километров и на полпути пересекли долготу Пасхи.

Остров Пасхи... Самый уединенный обитаемый остров в мире. Ближайшая страна – Перу, а не Египет. Остров Пасхи... Осаждаемый волнами ком застывшей лавы, где около тысячи заброшенных изваяний молча созерцали небо, когда люди нашей расы наконец проникли в эту область и «открыли» остров в 1722 году. Островом Пасхи назвали мы его потому, что впервые увидели его в день Пасхи. «Пуп Вселенной» назвали его полинезийцы, когда пришли сюда на долбленках и обнаружили, что остров уже заселен еще более древними мореплавателями. Теми самыми, которые высекали на груди своих каменных истуканов большие камышовые лодки с мачтами и парусами. Теми самыми, чьи серповидные лодки из камыша изображены в древнейшем культовом селении острова Пасхи, где скалы расписаны солнечными символами и фигурками птичеловеков, где наблюдали ра и поклонялись Солнцу, где жители собирались на ритуал птичеловека, когда смельчаки выходили в море на маленьких камышовых лодках. Пока европейцы в 1868 году не ввели свое христианство, положив конец тысячелетнему обычаю.

Камышовые лодки острова Пасхи. Мысли перестали метаться. Все стало на свои места. На этом острове родился мой интерес к камышовым лодкам. Может быть, именно здесь кончилась их история. Но для меня здесь все началось.

Впервые я увидел камышовые лодки задолго до того, как попал на Пасхи. Я ходил на них, когда изучал других каменных исполинов, покинутых своими создателями на горном плато вокруг озера Титикака в Андах. Меня поразила их грузоподъемность, ведь на таких лодках некогда перевозили многотонные глыбы в древний город Тиауанако. Но тогда я воспринял эту своеобразную конструкцию скорее как курьез. Как и все, кто читал про империю инков, я знал, что камышовые лодки озера Титикака – всего лишь рудимент доколумбовых лодок, которыми пользовались на всем побережье Перу, когда испанцы пришли на Тихий океан. Они применялись тогда и дальше на север, вплоть до Мексики и Калифорнии. Самые маленькие лодки,

напоминавшие слоновый бивень, выдерживали только одного человека, он плыл на них, лежа по пояс в воде. На самых больших, о которых пишут испанцы, была команда до двенадцати человек, а если несколько лодок связывали вместе, на них можно было перевозить по морю лошадей и рогатый скот. Я знал также, что камышовая лодка в Перу так же стара, как бальсовый плот, больше того, она была известна уже во времена древнейшей доинкской культуры: камышовые лодки в море – обычный мотив в искусстве строителей первых пирамид на севере Перу, мастеров народа мочика.

Когда я задумал строить «Кон-Тики», мне надо было выбирать. В древней империи инков знали морские суда трех родов. Бальсовые плоты из бревен, обычно срубленных в Эквадоре, камышовые лодки из снопов камыша тотора, растущего дико по берегам горных озер и выращиваемого на орошаемых землях засушливого побережья, наконец, понтоны – два связанных плугом бурдюка из тюленьих шкур.

Бурдюки через несколько дней теряли плавучесть, индейцам приходилось снова их надувать, плавая рядом в воде. Меня такой способ ничуть не прельщал. Камышовая лодка тоже не внушала мне особого доверия. Камыш, солома – это нечто хрупкое, слабое; одно дело, когда в безвыходном положении хватаешься за фигуральную соломинку, но взаправду выходить на соломе в море – слуга покорный. Так я рассуждал тогда. И все были со мной согласны. Если уж плыть, то на бальсовом плоту, крепкой платформе из легких бревен. Так и вышло. Бальсовый плот прошел испытание и обнаружил поразительные мореходные качества. А камышовая лодка была отвергнута и забыта. На время.

Глава 2

Почему камышовая лодка? Остров Пасхи и Перу

Это было на острове Пасхи в 1955 году. Восточный берег. Под рокот прибоя четыре брата, четыре старика с кожей, похожей на сморщенный табачный лист, мелкими шажками вбежали в бурлящую воду, неся маленькое суденышко, формой, близкое к банану. Солнце рассыпало блики на синих волнах, позолотило лодчонку. Престарелые крепыши вытолкнули лодку за вспененную полосу, вскочили на нее и, часто-часто работая веслами, рассекли обрушившийся гребень. Не успела вырасти новая волна, как они перевалили через нее, словно на качелях, и через следующую тоже, и вот уже вышли за прибой. В лодке было так же сухо, как до встречи с валами. Вся вода в ту же минуту ушла через тысячу щелей в днище. Ни высоких бортов, ни полого корпуса. Толстые связки, на которых сидели гребцы, образовали плоскую палубу, только впереди и сзади лодка-плот, сужаясь, загибалась вверх, чтобы лучше справиться с волной. Золотистым лебедем она переваливала через гребни.

Сто лет на острове Пасхи не спускали на воду таких лодок. Старики связали ее, чтобы показать нам, на чем их деды выходили в море ловить рыбу. Миниатюрная модель известных по изображениям огромных судов поры расцвета культуры острова Пасхи. И весьма внушительная, если сравнить с похожими на бивень одноместными порами, на которых состязались кандидаты на звание птичеловека.

Островитяне благоговейно смотрели, как четыре старых рыбака идут в океан на лодке, так хорошо всем знакомой по сказаниям предков, лодке, означающей для здешних людей примерно то же, что для американцев «Мэйфлауэр» или для нас, северян, ладья викингов.

Утлое суденышко извивалось, будто надувной матрас, вверх-вниз, вправо-влево, применяясь к волнам и не давая им намочить команду. И когда смуглая четверка на золотистой лодке обогнула мыс, на котором мы в эти дни поднимали первого из поверженных каменных исполинов острова Пасхи, можно было слышать, как люди постарше с горящими глазами говорят о том, что вот, мол, оживает далекое прошлое острова.

А для меня ожили суда далекой страны за горизонтом на востоке... Лодки острова Пасхи поразительно напоминали лодки озера Титикака, но еще больше – серповидные суда из камыша, реалистически воспроизведенные в керамике древней культуры мочика на Тихоокеанском побережье Южной Америки. Волны, которые разбивались о берег у наших ног, шли с той стороны. И ведь я сам пересек здесь океан с востока на запад, влекомый постоянным круговоротом воды. Как тут не призадуматься...

В мертвом кратере вулкана Рано Рараку шесть человек погрузили в кромку озерной трясины восьмиметровый стальной бур. Множество незавершенных статуй на склонах вокруг кратерного озера свидетельствовало о том, что ваятели неожиданно прервали работу. Некоторые истуканы были почти готовы, только спина прочно соединялась с коренной породой. Они лежали с закрытыми глазами, сложив руки на животе, будто их заколдовала недобрая фея из сказки про принцессу Шиповничек. Другие каменные богатыри были отделены от породы и воздвигнуты стоймя, чтобы ваятели могли обтесать спину, сделать ее такой же изящной и гладкой, как остальные части статуи. Так и стоят они по карнизам, некоторые по подбородок в осколочном материале из каменоломен. Чуть наклонясь, сжав тонкие губы, они словно критически поглядывали, что там творят на берегу озера шесть гномов из живой плоти.

Длинное стальное копьё дюйм за дюймом уходило в вязкую кашлицу. Десятки тысяч лет на дне потухшего вулкана скапливались дождевая вода и ил, и возникло голубое зеркальное озеро, в котором отражается небо. И кажется, что белые пассатные облака вечной чередой скользят через кратер с востока на запад, исчезая в зеленых зарослях камыша. Три кратерных озера

в камышовом венке – единственные источники пресной воды на острове Пасхи. Пасхальцы добывают в них питьевую воду с тех самых пор, как свели огнем первичный лес и превратили весь край в голую степь, после чего ручьи один за другим ушли в пористую вулканическую породу и пропали.

Об этом поведала каша, извлеченная нами из озерной трясины. Бур заканчивался вращающимся ножом и маленькой полостью, которая захватывала ил, глину или песок, смотря по тому, из чего состоял очередной пласт. Чем глубже погружался бур, тем дальше мы проникали в прошлое.

Кромка трясины была словно книга, лежащая последней страницей вверх, а первой – вниз. Потом начинались затвердевшая лава и вулканический шлак – свидетели той поры, когда остров поднялся со дна океана, извергая пламя. На эту безжизненную подстилку ложились глина и ил, когда вулкан потух и края кратера начали разрушаться. Постепенно в донных осадках собиралось все больше цветочной пыльцы. Она герметически сохранялась, и теперь специалист-палинолог, изучая структуру отложений, может рассказать, в какой последовательности на новорожденный остров с помощью течений, ветров, птиц и людей попадали папоротники, кустарники и деревья. Ведь у каждого растения своя пыльца; под микроскопом ее крупинки напоминают причудливейшие плоды и ягоды.

Детективы укрываются под разными прозвищами. Некоторые, чтобы им не докучали любопытные, называют себя палеоботаниками. Они сидят и анализируют крупинки пыльцы так же тщательно, как другие детективы – отпечатки пальцев. Добытые нами комочки грязи мы раскладывали по нумерованным пробиркам, чтобы потом передать их в отдел ботанического сыска в Стокгольме. Так нам удалось кое-что разузнать о забытом прошлом острова Пасхи, о том, откуда мог прийти загадочный народ, который на заре истории неприметно для всех воздвиг здесь свои исполинские монументы.

Пыльца рассказала, что этот голый и бесплодный в представлении европейцев остров, богатый лишь истуканами и каменоломнями, от природы был наделен пышной растительностью – кустами, пальмами и другими деревьями. Но затем сюда задолго до европейцев прибыли мастера каменотесного дела. Они подогли лес. Зола и копоть сыпались на кратерное озеро, оставив след в донных отложениях. Выше этого слоя пыльца лесных деревьев резко идет на убыль. Пришельцы сводили лес, расчищая место для американского батата, составлявшего их главную пищу. Им нужно было также место для их каменных домов и для широких культовых площадок, где сооружали ступенчатые платформы из огромных обтесанных плит, напоминающие культовые сооружения древнего Перу и Египта. Они уничтожали пальмы на склонах вулканов, снимали дерн и землю, добываясь до корневой породы, чтобы вытесывать из нее гладкие плиты и монолитные статуи покойных правителей-жрецов. Срубленные деревья их не интересовали, потому что первые обитатели острова Пасхи привыкли строить из камня, камень был для них привычным материалом, тяжеленные плиты весом в шесть, восемь, десять слонов и высотой с дом тащили через весь остров, ставили на торец, укладывали друг на друга и подгоняли, сооружая замечательные мегалитические стены, подобные которым можно увидеть только в Перу, Мексике да в странах древних солнцепоклонников Внутреннего Средиземноморья, на другом конце земного шара.

И не только об этом рассказали детективы, изучив доставленные нами комочки грязи. Усердные покорители целины, хотя истребили изначальную растительность острова, привезли взамен батат, который был неизвестен в нашей части света, пока Колумб не обнаружил его в Америке. Об этом мы знали и раньше. Островитяне называют батат «кумара», как и коренные жители значительной части древней инкской империи. Но лепешечки ила сохранили следы другого растения, еще более важного для морского народа.

Камыш. Камыш тотора.

Выше слоев с золой от лесных пожаров идут другие слои, желтые от спрессованной пыльцы камыша тотора, перемешанной с прочными волокнами стеблей. Большие участки кратерного озера покрыты сплошным плавучим ковром из сгнившего камыша. Кроме тоторы только одно водное растение оставило свою пыльцу в донных отложениях, начиная с пласта, в котором пепел знаменует прибытие людей на остров. Глубже пыльца пресноводных растений не встречена. До прихода человека в кратерных озерах Пасхи ничего не росло, поверхность их была совершенно чистой.

Чем не материал для детектива! Нетрудно догадаться, что оба пресноводных растения попали сюда из-за океана вместе с человеком. Ведь речь идет о важных культурах, одна из которых применялась в медицине, другая использовалась как строительный материал, и ни та ни другая не могла быть принесена морскими течениями, ветрами или птицами, потому что обе размножаются только корневыми отростками. Чтобы они могли появиться в трех кратерных озерах на уединенном острове Пасхи, их должны были посадить там люди, которые привезли корневища из своего родного края. Теперь оставалось лишь пройти по следу. Оба вида встречаются только на американском материке, их нет больше нигде на свете. Камыш тотора – *Scirpus tatora* – был одной из главных культур в хозяйстве древних обитателей засушливого приморья инкской империи; они разводили его на орошаемых участках и применяли для лодок, кровли, циновок, корзин и веревок. Второе растение, горец – *Polygonum acuminatum* – использовалось индейцами Южной Америки как лекарство. И для островитян оба растения играли такую же роль.

Держа в руке кусок легкого, высушенного солнцем камыша тотора, я смотрел на четырех полинезийцев, которые перемахивали через волны в открытом море так же лихо, как скакали верхом на конях по суше. Присутствие этого американского пресноводного растения в трех кратерных озерах на самом уединенном острове мира давно считалось одной из великих загадок ботаники Тихого океана. А загадка, похоже, решается очень просто. Может быть, древние мореплаватели из Перу пересекли океан не только на бальсовых плотках; может быть, среди них были мастера вязать камышовые лодки, и они привезли корневища, чтобы обеспечить себя строительным материалом.

Когда мы помогли старикам вытащить на берег их серповидную лодку, я окончательно утвердился в мысли, что люди древнейшей культуры острова унаследовали свои характерные суда от древних строителей перуанских пирамид.

Пять лет спустя я встретился на конгрессе в Гавайском университете с ведущими специалистами по археологии Тихоокеанской области. Пять лет мои товарищи по экспедиции, эксперты в разных областях науки, обрабатывали материал, собранный в ходе наших раскопок на Пасхи. Скелеты и каменные орудия, образцы крови, пыльца и остатки костров – все было важно для детективов от науки, которые пытались выяснить, что происходило на самом уединенном острове в мире задолго до того, как Колумб приплыл в Америку и тем самым открыл европейцам путь в Тихий океан. Мои сотрудники доложили конгрессу итоги наших работ на острове Пасхи.

И вот я сижу за одним столом с другими учеными и вместе с ними подписываю документ, резолюцию конгресса. А в резолюции говорится, что наряду с Юго-Восточной Азией Южная Америка была родиной народов и культур, которые до европейцев пришли на острова Тихого океана. Никаких возражений с моей стороны. Ведь своим плаванием на плоту из Перу я как раз хотел показать, что Полинезия могла быть заселена с двух сторон. Такая догадка родилась у меня задолго до «Кон-Тики», еще когда я приехал на Маркизские острова, чтобы пожить на полинезийский лад, и на восточном берегу Фату-Хивы слушал у костра рассказы старика Теи Тетуа под гул могучих волн, которые вместе с облаками день и ночь, день и ночь шли в одну сторону – от Америки к островам.

Три тысячи ученых заслушали резолюцию и единогласно одобрили ее. Я покидал X Международный тихоокеанский конгресс с поручением содействовать дальнейшим раскопкам на ближних к Южной Америке островах. В свою очередь, археологи-тихоокеанисты впервые включили в круг своих интересов приморье Южной Америки. Открылись ворота между Перу и Полинезией, кончился однобокий взгляд на Тихий океан.

Но камышовая лодка снова была забыта.

И вдруг ее извлекли из забвения самым неожиданным образом, в самой неожиданной связи. В январском номере научного журнала «Американская древность» за 1966 год один известный исследователь из Калифорнийского университета указал, что камышовые лодки древнего Перу похожи на папирусные лодки Древнего Египта. Причем лодки не единственная черта, позволяющая говорить о поразительном сходстве этих двух культур. В статье приводился список шестидесяти очень специфических черт, не имеющих широкого мирового распространения, но одинаково характерных для древнейших культур Восточного Средиземноморья (включая Месопотамию и Египет), с одной стороны, и доколумбовых культур Перу – с другой. Камышовая лодка была лишь одним из шестидесяти перечисленных элементов.

Обычно, когда в культуре далеких друг от друга обособленных районов обнаруживают одну или две однотипных черты, наука называет это случайностью, ведь люди во всех концах света настолько схожи, что вполне естественно, если какие-то их изобретения совпадут. Но когда налицо целый набор разнообразнейших совпадений, притом настолько специфичных, что этот комплекс встречается только в двух определенных районах земного шара, опасно совсем исключать возможность контакта между этими двумя центрами культуры. Список шестидесяти специфических параллелей в журнале был как раз таким случаем, сигналом, призывающим к осторожности.

Статья в «Американской древности» поразила не только меня. И не только потому, что перечень элементов выглядел внушительно и давал пищу для размышлений. Больше всего удивляло, что его составил изоляционист. Автор статьи прослыл одним из самых рьяных поборников гипотезы о полной изоляции Америки до Колумба, полагающих, что люди могли попасть в Новый Свет только по льду на севере. И он вдруг публикует перечень, которому позавидовал бы Перси Смит и вся его старая школа диффузионистов. Шестидесять специфических культурных параллелей между древним Перу и Египтом.

Напрашивался вывод. И автор статьи делал его. Дескать, Египет лежит в Восточной Африке, а Перу – на западе Южной Америки, их разделяют два материка и Атлантический океан. Два народа, которые делали лодки из камыша, не могли сообщаться через океан, из чего следует, что шестидесять культурных параллелей должны были возникнуть независимо, из чисто практических соображений они не могли явиться следствием морских плаваний человека. Мораль: уважаемые диффузионисты, верящие, что Америка получала импульсы извне до 1492 года, прекратите поиски параллелей, ибо сим доказано, что эти параллели ничего не доказывают.

Научные противники изоляционистов, то есть диффузионисты, возмутились. Их корбило от такой логики. Они были твердо убеждены, что Центральная Америка и Перу еще в древности восприняли импульсы через океан. Но через какой именно? И на каких лодках? Волны дискуссии продолжали бушевать. Вопрос оставался открытым.

В том же 1966 году устроители XXXVII Международного конгресса американистов решили свести для научного единоборства представителей обоих спорящих лагерей. Каждые два года съезжаются специалисты по древней истории Америки; очередной конгресс должен был собраться в Аргентине, и меня попросили организовать симпозиум по вопросу: были или не были контакты через океан с Америкой до Колумба?

Двери аудитории закрываются, симпозиум открывается. Составитель перечня шестидесяти параллелей приглашен, но не явился. Диффузионисты, считающие, что контакт был, пред-

ставлены докладчиками с трех континентов. Изоляционисты тоже хорошо представлены, но только среди слушателей. У них такая тактика: сначала выслушать противника, потом сокрушать его аргументы. Они предпочитают оборону, мудро предоставляя собирать доказательства тем, кто считает, что люди достигли Америки морским путем до Колумба. У диффузионистов никогда не было недостатка в аргументах, но доказательства отсутствовали. Значит, заключали изоляционисты, океан не был преодолен.

Одним из яблок раздора были исландские королевские саги, сказания викингов, подробно записанные их историками задолго до рождения Колумба. Никто не отрицал, что норвежские викинги заселили сперва Исландию, потом все юго-западное побережье Гренландии. К тому времени, когда Колумб поднял паруса, они жили там постоянно пятьсот лет. Это подтверждают многочисленные могилы и развалины хуторов, шестнадцати церквей, двух монастырей и усадьбы епископа, который поддерживал связь с папой римским, используя регулярное морское сообщение с Норвегией. Колония платила дань норвежскому королю.

Путь от Норвегии до поселений викингов в Гренландии через Северную Атлантику равен пути от Африки до Бразилии через Южную Атлантику. От Гренландии оставалось совсем немного до американского материка. Изоляционисты говорили, что этот последний отрезок не удалось одолеть.

Он был преодолен, утверждали древние саги. Бьярне Херюльфссон первым пересек пролив на своей ладье, пересек нечаянно, сбившись с курса в тумане. Однако он не стал причаливать к неведомым берегам, а повернул назад, в Гренландию. Вскоре его корабль купил Лейв Эйрикссон, сын Эйрика Рыжего, того самого, который открыл Гренландию. Около 1002 года Лейв с командой из тридцати пяти человек вышел из Гренландии на юго-запад. Отряд Лейва первым высадился на берег новой земли, названной ими Винландом, построил там дома, перезимовал и только потом вернулся в Гренландию. На следующий год брат Лейва, Турвалд Эйрикссон, пересек пролив и поселился со своими людьми в домах, оставленных Лейвом. Через два года, исследуя лесистые берега, он был убит стрелой в схватке с коренными жителями. Тридцать дружинников похоронили его в Винланде и ушли домой, в Гренландию. Затем в Винланд на двух кораблях отправился Турфинн Карлсэвне вместе со своей женой Гюдрид и многочисленной командой. С ними была дочь Эйрика Рыжего, Фрэйдис; на этот раз норманны взяли с собой скот, намереваясь прочно обосноваться в новом краю. Гюдрид родила в Винланде сына – Снорре. Однако участвовавшие нападения многочисленных отрядов «скрелингов» (индейцев) в конце концов вынудили поселенцев уйти. Понеся большие потери, они бросили свои усадьбы и вернулись кто в Гренландию, кто в Европу.

Рукописные саги изобилуют реалистичными деталями. Берега и пути кораблей описаны так подробно, что нельзя сомневаться: да, викинги открыли Винланд и пытались обжить новую страну в первые десять – пятнадцать лет после 1000 года.

Но где находился Винланд? Докажите, что Винланд – это Америка, твердили изоляционисты много лет. И вот – сенсация: XXXVII Конгресс американистов получил доказательства.

Место, где викинги около 1000 года высадились на берег и построили свои дома, – Лансо-Мидоуз на северной оконечности Ньюфаундленда. Здесь до наших дней под дерном сохранились следы типичного норманнского жилья. Остатки древесного угля позволили произвести радиоуглеродную датировку с десятикратной проверкой. Она показала, что дома появились как раз в то время, о котором говорится в сагах.

Индейцы не знали до Колумба железа, а здесь нашли остатки железных гвоздей, нашли болотную руду в примитивной кузнице. Северные индейцы не знали ткачества, а тут лежало под дерном типично норманнское пряслице из стеатита.

Открыл все это известный норвежский специалист по Гренландии, историк Хельге Ингстад. Он отыскал заветное место, тщательно изучив древние исландские записи. А раскопками руководила его жена, археолог Анна Стина Ингстад; ей помогали видные американские архео-

логи. Против фактов нечего было возразить. Викинги побывали на Ньюфаундленде. Они первыми дошли до Америки через Атлантический океан.

Но, говорили изоляционисты, викинги пришли и ушли, не оставив никакого следа, кроме обросших травой земляных валов. Их посещение никак не повлияло на ход истории, индейцы прогнали норманнов и зажили по-старому. Согласно сагам, они успели получить от викингов лишь несколько кусков красной материи раньше, чем кровавые схватки положили конец всякой меновой торговле.

Да, норманны не осели прочно в Америке. И все-таки на севере человек достиг Нового Света и с востока, и с запада до того, как Колумб прошел через океан в тропических широтах.

В Южной Атлантике изоляционисты взяли верх. Здесь развернулась главная баталия. Никто не мог предъявить осязаемых доказательств того, что мореплаватели достигали Мексики до испанцев. К письменным источникам коренных жителей Мексики относились еще более пренебрежительно, чем к сагам викингов. Их сказания о доколумбовых пришельцах – белых бородатых людях – нельзя было подтвердить. И штурм диффузионистов был отбит так же легко, как прежде. Культурные параллели на востоке и западе были для их противников пустым звуком. Поединок закончился тем, что изоляционисты сохранили прочные позиции. И ведь у них был важный аргумент, с которым нельзя было не соглашаться: если народ древней культуры с мореходным опытом пересек океан и научил индейцев писать на бумаге и строить дома из кирпича, он должен был также научить их строить суда. Невозможно, чтобы люди, умеющие воздвигать пирамиды, одолели океан, не умея строить кораблей. Египтяне за 2700 лет до нашей эры уже строили настоящие деревянные корабли с полым корпусом, палубным настилом и каютами из струганых досок, а индейцы до этого так и не додумались. Во всем Новом Свете до Колумба делали только камышовые лодки, плоты, долбленки да каноэ из кожи. Против этого факта нечего было возразить. Настоящее судостроение возникло в Новом Свете только с появлением Колумба и его товарищей.

Камышовые лодки, плоты, долбленки. Опять они... Бальсовый плот вполне мореходен, но на нем можно было плыть только из Америки, а не в нее, потому что до прихода испанцев бальса не росла в других частях света. Зато камыш, осока, тростник росли повсюду. И уж конечно, на Ниле и в Малой Азии.

– Ивон, – сказал я жене, – надо будет отправиться в Анды, еще раз посмотреть на американские камышовые лодки.

Мы пригласили с собой супругов Ингстад: пусть убедятся, что не одни викинги умели строить изящные суда. Не успел закрыться конгресс, как мы вылетели в Ла-Пас в Боливии и на следующий день уже были на берегу Титикаки, небесно-голубого озера на высоте около 4 тысяч метров над уровнем моря, вокруг которого еще на две с лишним тысячи метров вздымаются вверх снежные пики. На прилегающем к озеру плато лежали развалины Тиауанако, культурного центра и самой могущественной столицы Южной Америки доинкской поры: пирамида Акапана, мегалитические стены, огромные каменные статуи неведомых священных правителей. А на озере, маневрируя на сильном ветру, ходили лодки рыбаков из племени аймара. Издали виден лишь наполненный ветром парус, на большинстве лодок – из ветхой парусины, но кое-кто, оставшись верным старой традиции, поднял на двуногой мачте большую циновку из золотистого камыша тотора. Три лодки шли полным ходом прямо на нас, вот уже видно индейцев в полосатых остроконечных шапочках, и можно рассмотреть конструкцию лодки. Изумительно. Мастерская работа. Каждая камышинка уложена предельно тщательно, симметрия безупречная, изящные, плавные обводы; сигары из камыша связаны настолько туго, что больше похожи на надутые воздухом понтоны или позолоченные бревна, у которых оба конца заострены и загнуты вверх, будто носок деревянного башмака. Стремительно рассекая воду, лодки вошли в просвет в камышах и с ходу врезались в илистое дно. Причалив таким способом, индейцы вброд дошли до берега со своим уловом.

Лодки этого своеобразного типа и в наши дни вяжут тысячами во всех концах огромного внутреннего моря. Точно так же они выглядели четыреста лет назад, когда сюда пришли испанцы и обнаружили заброшенные развалины Тиауанако, увидели сориентированную по Солнцу пирамиду и каменных истуканов, созданных, по словам индейцев аймара, на заре времен народом виракоча, белокожими бородатыми людьми под предводительством Кон-Тики-Виракочи, солнечного наместника на земле. Сперва виракочи поселились на острове Солнца. Предание сообщает, что они связали первые камышовые лодки. Легенда, записанная испанцами 4 века назад, по-прежнему жива среди индейцев озера Титикака. Сколько раз меня тут величали «виракоча» – так аймара здесь по сей день называют белых.

Как же все это понимать?..

Вот они снова передо мной – огромные глыбы весом от пятидесяти до ста тонн, обтесанные и пригнанные друг к другу с точностью до долей миллиметра. И изящные, как произведения искусства, лодки из камыша бороздят озеро сегодня, как они его бороздили в ту далекую пору, когда на таких же судах возили с той стороны камень из потухшего вулкана Капия для пирамиды Акапана. Нет никаких причин сомневаться, что современная наука права, допуская связь между этой погибшей культурой и другими центрами древних американских культур, следы которых протянулись цепочкой через глухие дебри от Мексики до перуанского нагорья. До того как гигантские доинкские сооружения Тиауанако превратились в развалины, здесь была столица одной из самых могущественных империй мира, чье влияние распространялось на всю территорию нынешнего Перу и на прилегающие части Эквадора, Боливии, Чили, Бразилии и Аргентины. Приморская полоса длиной не меньше 2300 километров испытала влияние искусства и религии, исходящее из имперской столицы на берегу горного озера; и все эти тысячи километров тогда, как и теперь, омывались могучим океанским течением, которое доставило плот «Кон-Тики» прямо в Полинезию. Черепки керамики, характерной для приморской культуры Тиауанако, найдены на Галапагосских островах, в тысяче километрах от материка, а древнейшие статуи, найденные археологами в почве острова Пасхи, очень схожи с тиауанакскими образцами. То же можно сказать о камышовых лодках. Не приходится сомневаться, что культура острова Пасхи – только ветвь, возможно последняя, верхняя ветвь могучего дерева. Но где его корень? Здесь, в Америке? Или по ту сторону Атлантики? Кто прав, изоляционисты или диффузионисты? На конгрессе их голоса прозвучали одинаково неубедительно. Как руководитель симпозиума, я занял нейтральную позицию. Хотя в одном был совершенно уверен: и те и другие недооценивали тиауанакскую лодку. Не так уж плоха камышовая лодка, если жива по сей день, после четырехвекового контакта с европейской культурой.

Ладно, деревянные корабли знали только по одну сторону Атлантического океана. Но суда из стеблей водных растений вязали и там и тут – это же одна из шестидесяти черт сходства. Искусство строить такие лодки исстари было известно в Египте и Перу. Только в этих двух странах? Нет. Здесь мне виделся маленький изъян в рассуждениях исследователей: камышовые лодки не были таким обособленным явлением, как остальные пятьдесят девять сходных элементов культуры в перечне. Почти никто не изучал их распространение в прошлом. Но кое-какие сведения я все же нашел. В частности, лодками из камыша и папируса пользовались в Месопотамии, на островах Средиземного моря, на атлантическом побережье Марокко южнее Гибралтара и в древней Мексике. А путь от Марокко до Мексики уже не выглядел таким неодолимым и немислимым, как расстояние между крайними точками – Египтом и Перу.

И я решил построить лодку из папируса.

Глава 3

К индейцам кактусового леса. Мексика

Море. Кактусы. Клочок моря в просвете между колючими исполинами. Сказочный мир. Стою, словно лилипутик, и, задрвав голову, рассматриваю макушки зеленых великанов. То словно друза органных труб, то многорукие подсвечники возвышаются над царством раскормленных толстяков и дородных верзил. А ведь почва у меня под ногами – всего лишь сухая корка спекшегося, бесплодного песка. Ни травы, ни цветов, если не считать красные и желтые соцветия между шипами на могучих мускулах зеленых богатырей. Планета кактусов... У ног великанов стояли, лежали, извивались колючие шары, колбасы, коленчатые валы. В лучах вечернего солнца они напоминали то балансирующие друг на друге тарелки и вилки эквилибриста, то ошетилившиеся гвоздями старые подметки, то куски колючей проволоки, то извивающиеся кошачьи хвосты. Лес был безмолвен и недвижим. Не шуршали даже листья на единичных экземплярах узловатого железного дерева, которые изгибались и так и смяк, спасаясь от вездесущих шипов.

Пустынный заяц беззвучно выскочил из густых теней на солнце, посидел, подняв торчком длинные уши, поглядел в одну, в другую сторону и поспешил дальше. Крохотный полосатый бурундучок стремглав пересек его путь, вдруг замер на месте, подняв кверху хвостик, и тут же засеменял прочь через заколдованный лес – будто косматый мячик покатился. На самой высокой ветке зеленого тройного канделябра, вознесенный над всем светом, сидел орел. Он сидел неподвижно, пока я не подошел вплотную к стволу, и только тогда тихо расправил крылья и поплыл над волшебным лесом. Казалось, не орел скользит по воздуху – я вместе с кактусами ухожу назад, а он теряется вдаль, пригвожденный к небосводу. И тишина кругом, лишь мои подошвы хрустят, давя песчаную корку и проваливаясь в потайные норки земляных крыс, змей и прочих тварей пустыни. Только что в этом царстве безмолвия мой слух уловил другой звук, совсем негромкий, однако не менее впечатляющий, чем грозное рыканье льва. Словно кто-то потряхнул коробку со спичками. Зловещий сигнал тревоги на универсальном языке самой природы. Услышав его, даже тот, кто никогда не видел гремучей змеи, живо отскочит в сторону. С трепещущим в воздухе языком и сверкающими глазами змея приготовилась к атаке и покачивала поднятым вверх хвостом. Сухие, будто сделанные из светлого пластика кольца трещотки сердито подрагивали. Я лихорадочно искал взглядом палку или хотя бы ветку, чтобы расправиться с гадиной. Но кругом стояли одни кактусы, а их колючие мясистые побеги ломались, как огурец, когда я пытался ими пришибить извивающуюся гадину. Я основательно наплясался, прежде чем нашел твердый высохший стебель и смог оглушить змею. Не давая ей очнуться, я довел расправу до конца, и только хвост гремучей змеи продолжал судорожно вздрагивать.

В этом краю кактусов мы очутились в поисках лодочных мастеров. Хоть бы одно настоящее дерево, чтобы с него можно было высмотреть дорогу! Мой мексиканский друг Рамон Браво ушел куда-то налево искать скалу для обзора, а его жена Анжелика и наш друг Герман Карраско остались ждать в джипе, там, где мы – в который раз! – потеряли колею. Мне повезло: я наконец-то увидел море. Место приметное, рядом со мной высился этакий живой монумент – кактус в виде трезубца Нептуна, толстенный, хоть прячься за него. Это на нем сидел орел. Ему сверху, наверно, были видны и берег, и в другой стороне – иссеченные рыжие скалы, вдоль которых мы тряслись на нашей машине, пока поминутно разветвляющаяся колея не затерялась совсем в кактусовом лесу. А я видел только серебристые блики солнца на водной глади да голубеющие вдаль горы за заливом. Вполне достаточно, чтобы наметить курс. И мы покатали дальше по заколдованному лесу, спеша достичь цели до захода солнца.

Неожиданно кактусы расступились, сменившись низким вечнозеленым кустарником, и нашему взору предстало море и открытый девственный пляж с бахромой тихо плещущихся волн. Пять черных китовых спин, стремительно рассекая воду, шли прямо на нас. В последнюю секунду они нырнули, зато в воздух взмыл целый каскад мелкой рыбешки, и с минуту вода у берега буквально кипела, пока серебристая мелюзга не рассеялась.

Нас окружала нетронутая природа. Впереди – Калифорнийский залив, сзади и по бокам – Сонорская пустыня.

Волнистая голубая полоска гор по ту сторону залива обозначала протянувшийся на тысячу с лишним километров полуостров Нижняя Калифорния. На нашем берегу, сколько хватало глаз, не было видно ни построек, ни еще каких-либо следов человека, и мы вернулись в кактусовый лес. Поищем севернее...

Наконец в ту самую минуту, когда солнце укрылось за горами на западе и на море легла черная тень, нашим глазам предстала индейская деревушка. Архитектурный стиль, который утвердился здесь, когда последние представители некогда могущественного племени сери приобщились к европейской культуре, никак нельзя было назвать романтическим. Человек шестьдесят, примерно десяток семей, обосновались на голом песчаном мысу Пунта-Хуэка, украсив его соответственным количеством лачуг из железа и толя. Размеры жилья только-только позволяли лечь навтыжку на песчаном полу. Строительный материал, как и горы битого стекла и жестяных банок за лачугами, позволяли судить, что получают индейцы за черепаха, которых ловят живьем и держат в садке на берегу.

Наше появление никого особенно не взволновало. Большинство продолжало заниматься своими делами: одни сидели, переговариваясь, другие прогуливались между лачугами в нарядах из ярких лент, самодельных брошей и покупных, по-цыгански пестрых тканей, скомпонованных на индейский лад. У мужчин до самого крестца свисали черные косицы. Лица женщин были симметрично расписаны узорами из черточек и точек, сочетающими дикую пикантность и вечную красоту. Так красились в далеком прошлом, а теперь этот грим, похоже, может стать ультрасовременной модой.

Миловидная женщина в длинном платье сидела в окружении своих подруг; они растирали в чашечках естественные краски, а одна вооружилась обыкновенной губной помадой, которая очень подходила для того, чтобы рисовать черточки на подбородке. Жену Рамона, восхищенно смотревшую на всю эту процедуру, решительно поманили рукой, усадили на песок и украсили ее лицо таким же узором. К нам подошли два старика в сопровождении гурьбы ребятишек. Они узнали Рамона, тотчас ребятишки сбегали за Чучу, который был переводчиком и проводником Рамона в прошлый раз, когда тот приезжал сюда снимать тюленей и прочих животных в заливе. Чучу явился со всей семьей, и радости не было конца.

Рамон привез друга, который хочет посмотреть на их камышовые лодки? Но никто из племени сери больше не вяжет *аскам*. Где лодка, которую Рамон видел два года назад? Эта как раз была последняя. В соседней деревне теперь тоже нет *аскам*, власти выделили на каждую деревню по деревянной лодке с подвесным мотором. Какой-то голый карапуз, внимательно слушавший наш разговор, убежал и вернулся с игрушечной моделью торпедного катера из желтого пластика.

Спустилась ночь, нам одолжили несколько картонок, и мы сделали себе из них постель на полу сарая, где хранились рыболовные снасти. Ворочаясь на жестком ложе, я слышал монотонные голоса индейцев, они всю ночь о чем-то толковали у своих костров и легли спать лишь под утро, за час до того, как мы поднялись.

Еще не зарделись на солнце макушки кактусов, а наша четверка уже сидела в кольце индейцев, глядя на тихий залив. Никто не произносил ни слова. Все только смотрели. Наконец Чучу неторопливо встал, спустился к воде и забросил небольшую сеть. В две закидки он прямо у берега поймал четыре крупные рыбы. Два мальчугана с острогами в одно мгновение удвоили

улов. Завтрак обеспечен. Остальные продолжали сидеть. Других событий в этот день явно не предвиделось.

– Вы не сделаете для меня *аскам*? – осторожно спросил я.

– Мучо травахо («Много работы»), – последовал дружный ответ.

Их знание испанского явно исчерпывалось этими словами, дальше требовался переводчик. Чучу пришел на помощь.

– Я заплачу, – пообещал я. – Получите товары или песо.

– Мучо травахо, – повторили они.

Я надбавил цену. Индейцы промолчали. Надбавил еще.

– Далеко идти за камышом, – нерешительно сказал Чучу.

– Мы пойдем с вами. – Я встал.

Четверо индейцев согласились отправиться за камышом: Чучу, двое из его братьев и сын одного из них. Только старший брат, Каитано, знал, где растет камыш; на озере. На Исла-Тибурон, Акульем острове, вон он в лучах восходящего солнца, по ту сторону залива.

Пригодился подвесной мотор, предоставленный властями. И вот мы уже идем к горизонту, рассекая мелкую волну. Я недоумевал: неужели ближе нет камыша?

– Это камыш пресноводный, – объяснил Каитано. – Он на здешнем берегу не может расти. Надо добираться до озера.

Впереди из воды выросли крутые пики Исла-Тибурон. Остров изрядный, площадь больше тысячи квадратных километров, его даже на карте мира видно. Мы причалили к белому песчаному пляжу, дальше до розовеющих гор простиралась ровная полоса земли с кустарником и единичными кактусами-великанами. На берегу, глядя на нас, неподвижно стоял олень-беррендо с горделиво поднятой головой, увенчанной великолепными рогами. Скорей камеру сюда, только без шума, чтобы увековечить его, пока он не обратился в бегство! Олень продолжал стоять недвижимо. Мы подкрались ближе. Еще ближе. Я шел первым, держась в кадре. Только бы не спугнуть... В эту минуту олень тронулся с места. Гордо, решительно он пошел вперед, нагнул шею и легонько уперся мне головой в живот, просунув рога у меня под мышками. Я попробовал его оттолкнуть, чтобы можно было снять путные кадры. Куда там, олень хотел сниматься именно так, и сколько я его ни толкал, как ни силился прекратить этот униженный спектакль, все напрасно, ласковый олень то отступал, то снова напирал, ни на секунду не отпуская меня, но и не причиняя мне боли. Дурацкое положение, неожиданный оборот нашей киноохоты. И лишь когда я почесал оленя за ухом, он от удивления отнял голову и взглянул на меня огромными глазами. Воспользовавшись случаем, я шаг за шагом отступил к двугогим, вместе с которыми сошел на берег.

Мы вытащили лодку на песок подальше от воды и зашагали по равнине. Где же озеро в рамке из камыша? Увы, кругом был только песок с лабиринтом из вечнозеленого кустарника и кактусов. Никакого намека на тропу. Одни лишь олени, зайцы, ящерицы, змеи и всякие мелкие твари оставили свой след. Акулий остров необитаем с той поры, как индейцев сери принудительно переселили на материк.

Каитано еще помнил, как это было.

Мы шли, шли... Направо, налево, прямо, отыскивая проходы в зарослях, курсом на горы.

– Где же озеро? – спрашивал то один, то другой из нас.

– Вон там, – показывал носом Каитано.

Мы продолжали шагать дальше. Море осталось где-то далеко позади. Зато горы подступали все ближе. Вот и подножие. Полдень, солнце печет макушку, а у нас ни воды, ни продуктов.

– Ну где озеро, пить хочется, – пробурчал Герман.

– Вон там. – Каитано показал носом вверх.

Мы начали карабкаться по заполненному каменной осыпью кулуару в рыжевато-красном склоне. Внизу нам встречались одни зайцы да ящерицы, здесь же мы то и дело спугивали баранов и оленей, которые явно не были нам рады в отличие от чудака на пляже. Несколько раз мне попались черепки от индейских кувшинов. Не иначе, тут споткнулся кто-то из ходивших по воде.

Выше, выше... Даже не верилось, что на сухой-пресухой горе, где растет один кактус, может быть озеро.

Вдруг Каитано остановился и показал вперед, теперь уже рукой. Мы стояли на скатившихся сверху глыбах, перед нами простиралась заваленная камнем выемка, а на противоположном склоне расщелина в красной породе вела в котлован, где в лучах солнца выделялось зеленое пятно, которое сочностью и яркостью тона превосходило все кактусы и прочие растения засушливой прибрежной полосы. Камыш!

Усталые, мучимые жаждой, мы прибавили шагу. Море синело далеко внизу, и мы мечтали поскорее нырнуть в озеро и вдоволь напиться. Я заметил искусственную кладку на двух-трех карнизах – это поработали люди. Добравшись до зеленой чащи, Каитано начал прорубать себе путь секачом, и вскоре его смуглая спина с черной косичкой пропала в высоком, выше человеческого роста, камыше.

– Где озеро? – спросил я, догнав его.

В густых зарослях было видно не дальше вытянутой руки. Каитано стоял, глядя себе под ноги. Он показал носом вниз, на черный влажный перегной. Мы подтолкнули его, спеша поскорее выйти к озеру. Каитано нехотя пригнулся и нырнул в темный туннель, проложенный в чаще животными, которые ходили здесь на водопой. Туннель заканчивался полостью, достаточно большой, чтобы вместить почти всех нас. Чувствовалась близость воды. Мшистые камни были словно холодные губки, а между ними, в ямке шириной с умывальный таз, поблескивала лужица, затянута зеленой ряской. Я уже хотел присесть в лужицу, чтобы немного освежиться, но меня вдруг осенила догадка... Кажется, лучше не мутить эту воду!

– Где озеро? – спросил я.

– Здесь, – сказал Каитано, показывая на лужу.

Мы промолчали. Все мы вдруг ощутили страшную жажду теперь, когда обещанное озеро вдруг растаяло, как мираж. Осторожно выловив ряску, набрали горстью воды – только-только всем смочить горло. Оставшейся мутной жижей смазали воспаленную кожу, потом погрузили ноги в ил, чтобы использовать всю влагу до последней капли.

Что ни говори, здесь, в тени, было на диво свежо и приятно, и жизнь сразу стала восхитительной. Наибольшую радость доставляют сильные контрасты: капелька ила и клочок тени после перехода по пескам подарили нам больше блаженства, чем обед с шампанским после поездки на трамвае.

Индейцы поглядывали, щурясь, на солнечный диск, который едва просвечивал сквозь плотный полог стеблей над нами. Они думали о долгом пути домой, и двое из них, отойдя от лужи, начали срезать своими секачами самые длинные стебли. Тем временем мы прилегли на траву отдохнуть.

Поучительный поход! Ведь я, подобно другим ученым, думал, что для индейцев сери было естественно строить лодки из камыша. Считал, что в Сонорской пустыне не хватало древесины, зато камыша в приморье видимо-невидимо. А выходит совсем другое. Индейцы сери делали такие лодки вовсе не потому, что камыш был у них под рукой. Вон куда им пришлось забираться, на гору на далеком острове, чтобы по берегам родника высадить растение, стебли которого служили материалом для лодок. Видно, строительство камышовых лодок было в племени давней традицией, собственной или заимствованной извне. Без этого зачем им ходить сюда за камышом, они вполне могли делать каркасы для лодок из веток железного дерева и обтягивать их кожей. Тюленьи шкуры – превосходный материал для лодки, а на южном, ска-

листом, берегу Акульего острова тюленей видимо-невидимо. Кто-то другой, пришедший из области, где было много камыша, надоумил индейцев сери строить камышовые лодки. Кто?

Мы пошли вниз; четверо индейцев – впереди, каждый с кипой камыша на плече, за ними остальные, неся штативы и киноаппаратуру. Спускаясь по каменистому склону, я то и дело замечал оброненные индейцами стебли. Внизу наши проводники разбрелись, а затем мы почему-то оказались впереди. Чтобы не заблудиться, я отыскал наши старые следы и зашагал по ним, выписывая зигзаги. Индейцы упорно шли сзади, ссылаясь на тяжелую ношу, хотя мне показалось, что охапки уже стали меньше...

День подошел к концу, когда мы отыскивали лодку. Зная, что после захода солнца увидим костры на Пунта-Хуэка, мы терпеливо ждали четверку индейцев. А вот и они тихонько вышли на берег. Последним, смущенно улыбаясь, брел Чучу, неся на плече три стебля камыша. Остальные ничего не несли.

– Мучо травахо, – пробормотал один из индейцев. Другой одобрительно кивнул и вытер лицо косичкой. Чучу осторожно положил в лодку свои три стебля. Каитано, четвертый индеец, уже сидел в лодке и ждал, когда его повезут домой.

Мои мексиканские друзья были страшно огорчены и откровенно возмущались. Три стебля – итог целого дня голодного странствия по безводному острову. Мы-то рассчитывали найти камыш на самом берегу. Но я отчасти был даже доволен. Из трех камышинок не свяжешь лодки, зато они рассказали мне кое-что поважней. Я узнал, что не в Сонорской пустыне надо искать родину камышовых лодок.

Старики обрушили град насмешек на Чучу и его помощников, когда он сбросил свой груз на землю около лачуги. Особенно негодовала одна голосистая древняя бабуся. Отведя душу, она доковыляла до своей лачуги и что-то крикнула, стоя лицом к двери. Через минуту на пороге показался дряхлый слепец в синих очках. Подчиняясь властной супруге, он нехотя вышел, разогнул спину, и мы поняли, что некогда это был статный богатырь с красивым лицом. Индейцы сери выделяются среди других племен Мексики; после первой встречи с жителями Акульего острова испанцы описывали их как великанов.

Старик со старухой зашли за лачугу – здесь, на куче мусора, лежала камышовая лодка! Похожие на бамбук тонкие стебли посерели от старости, от них осталась почти одна труха, веревки сгнили, но лодка еще сохраняла свою форму. Мы помогли отнести ее к двери: старик решил показать, что настоящий сын племени сери умеет вязать *аскам*. Нам объяснили, что этот ветеран – бывший вождь племени.

На другой день он на рассвете приступил к работе, вооружившись веревкой собственного изготовления и длинной деревянной иглой, отполированной долгим употреблением. Этой иглой слепец ощупью сшил свою лодку заново, придав изящный изгиб поникшему носу. Это ли не удача – мусорная куча подарила нам то самое, ради чего мы сюда добирались.

Последнюю камышовую лодку племени сери – а то и всей Мексики – отнесли к заливу. Каитано с сыном, захватив весла и деревянное копьё с веревкой, вскочили на нее и уселись поудобнее. Оба умели обращаться с веслами, и смуглые спины с черными косицами быстро исчезли вдали. Когда длинная, узкая лодка вернулась, между гребцами лежала, размахивая лапами, здоровенная морская черепаха. Сухой, прелый камыш пропитался водой, и мелкие волны захлестывали лодку, но она продолжала держаться на поверхности.

Итак, Мексика. Кто научил индейцев сери специфическому искусству вязать камышовые лодки? Кто-то из их многочисленных соседей. Некогда такие лодки окружали их со всех сторон, от инкской империи на юге до Калифорнии на севере, они были даже на озерах самой Мексики. Еще в начале прошлого века французский художник Л. Шори зарисовал трех индейцев с веслами на камышовой лодке у лесистого берега в гавани Сан-Франциско. Лодки из камыша были известны в восьми штатах Мексики.

С грустью я смотрел, как улов Каитано отнесли в черепаший садок, а последнюю *аскам* индейцев сери отправили на свалку за лачугой бывшего вождя. Там она и осталась, знаменуя конец последней главы в ненаписанной книге о безвозвратно забытой истории камышовых лодок Средней Америки.

Глава 4

Среди бедуинов и будума в сердце Африки. В Республику Чад за лодочными мастерами

Африка... У какого еще материка такое живописное имя! Слышишь его, и сразу представляется край: зеленая стена тропического леса, огромные листья, они раздвигаются, и в кадр входит караван, статные африканцы с ношей на голове. Плавными скачками пересекают экран жирафы и павианы. Рокочут тамтамы. Рыкают львы. Я никогда не бывал в глубине Африки, видел ее как бы через иллюминатор, сидя в темном зале кино, да засушенной между переплетами книг.

И вот я сам очутился в Африке. В сердце Центральной Африки. Маленький номер гостиницы в Форт-Лами – столице Республики Чад. Предельно далеко от океана. Этаким парадокс, ведь мой приезд сюда – первый этап в подготовке задуманного мной плавания через Атлантику на лодке древнего типа. А какая здесь вода, только тихая река. Вон она, из окна видно. Зеленые берега, красная глина отмелей, бурый поток. Солнце играло свои цветовые гаммы. Мокрые рыбаки с чернолаковой кожей тянули сеть, стоя по колено в воде; ловушки для рыбы были сделаны из воткнутых в дно тонких пластин бамбука.

Накануне я видел на отмели выше по течению семерку ленивых бегемотов. Здесь, около столицы, они охраняются законом. Крокодилы почти истреблены, так как их кожа шла на экспорт. Вот уже полгода, с конца дождевого сезона, не выпадало дождей, и река обмелела настолько, что сейчас по ней ходили только плоскодонные долбленки.

Мерно течет на север рожденная в лесах Шари, но ее тихие воды не доходят до океана. Выйдя из необозримых дебрей на юге, река пересекает саванну и полупустыню и вливается у южных рубежей Сахары в обширное озеро Чад. А тут зной такой, что вода испаряется так же быстро, как прибывает. Разные реки впадают в Чад, а стока нет, из озера воде путь один – вверх, к безоблачному голубому небосводу, который жадно впитывает незримые испарения.

Туда-то, на это озеро, я и хотел попасть. Но если найти его на карте легко, то добраться к нему куда труднее. Озеро Чад все равно что голубое сердце Африки, хотя на всех картах оно выглядит по-разному: то круглое, как тарелка, то кривое, как рыболовный крючок, то изрезанное, будто дубовый лист. Наиболее добросовестные карты обозначают его пунктиром, ведь никто не знает точных очертаний этого изменчивого внутреннего моря. Тысячи плавучих островов беспорядочно дрейфуют по его поверхности, сталкиваются друг с другом, срastaются, причаливают к берегу, образуя полуострова, снова распадаются и плывут в разные концы, к неведомой цели. Средняя площадь озера – 25 тысяч квадратных километров, но нередко оно усыхает наполовину, ведь вся-то глубина его от одного до пяти, самое большее шести метров. В северной части озеро местами такое мелкое, что обширные участки поросли осокой, вернее папирусом. Папирусом обросло и большинство островов, участвующих в вечной гонке по озеру.

В Республике Чад нет железной дороги. Нет и шоссе, действующего круглый год. Здесь рай для охотников и для тех, кто мечтает увидеть клочок земли, который не был бы зеркалом наших собственных вездесущих будней. В столице есть первоклассные отели, аптеки, бары и современные административные здания, где корпят клерки, большинство с параллельными шрамами на щеках или на лбу – знак племенной принадлежности. Широкие асфальтированные проспекты (по бокам – садики с французскими бунгало колониальной поры, которая кончилась в 1960 году), достигнув арабских домишек предместья, переходят в изрытые колдобинами песчаные улочки, а их, в свою очередь, сменяют караванные дороги, теряющиеся вдаль между единичными негритянскими хижинами. Когда начинаются дожди, нужен конь или самолет,

чтобы попасть в глубинные области. Зато по реке тогда можно дойти на лодках вплоть до торговых факторий по соседству с устьем Шари.

Три дня назад я пролетел над Средиземным морем и Сахарой на французском самолете, который следует на юг Африки, а раз в неделю делает посадку в Форт-Лами. Самолеты доставляют в республику то, чего нельзя везти на верблюдах. Автомашины, экскаваторы, холодильники, бензин, даже омары и свежая говядина для шеф-повара в «Ла Чадиенн» – все прибывает по воздуху.

И мы тоже вышли из самолета – три путника, нагруженные киноаппаратурой и меновыми товарами для африканских лодочных мастеров, с которыми надеялись познакомиться. Меня сопровождали два кинооператора: француз Мишель и итальянец Джанфранко. Мы собирались изучать и снимать, как здесь вяжут лодки. В путевых очерках о Центральной Африке мне попалась интересная фотография: несколько африканцев у воды, и рядом своеобразное суденышко такого же типа, как хорошо знакомые мне по Южной Америке и острову Пасхи камышовые лодки. Снимок был сделан на озере Чад, и автор статьи подчеркивал разительное сходство лодки из Африки с лодками, которые с незапамятных времен вяжут индейцы озера Титикака в горах Перу. В Египте древнейший вид африканской лодки давно исчез, здесь же, в сердце материка, он дожил до наших дней.

Из области Верхнего Нила проходит через горы древний караванный путь в Чад, известный также как трансафриканский работорговый путь. Я знал, что антропологи по ряду признаков связывали некоторые группы жителей Чадской области с обитателями Нильской долины. Чад – африканский тигель, жгучие лучи тропического солнца освещают тут причудливую смесь народов, и только специалист не запутается в местных племенах и языках. Но не надо быть специалистом, чтобы видеть, что Чад образует не только географический, но и этнический переход между песчаными дюнами Сахары на севере и глухими тропическими лесами на юге. Если северную часть страны занимают бедуины и другие арабы, то южная населена негроидами. А встречаются они на центральных равнинах и в столице Форт-Лами, где вместе стараются создать единую нацию из племен, волей случая временно оказавшихся в пределах одной французской колонии.

Освежившись под душем в кондиционированных номерах отеля, мы влезли в раскаленное такси и поехали в Управление туризма. Широкая главная улица кишела машинами, велосипедами, пешеходами. В сплошном потоке африканцев мелькали белые лица французских чиновников и поселенцев, которые решили остаться в Форт-Лами после провозглашения республики.

Начальник Управления туризма был белый. Мы объяснили ему, что хотели бы узнать, как лучше добраться до озера Чад, ведь на карте нет ни железной дороги, ни шоссе. Начальник управления развернул свою красочную карту, разложил на столе снимки львов и всякого зверья и сообщил, что вся эта дичь – в нашем распоряжении за умеренную мзду, правда для охоты надо выехать на юг, в другую сторону от озера Чад. Мы возразили, что нам нужно озеро, только там мы сможем увидеть папирусные лодки. Начальник сложил карту. Если нас не устраивает то, что он нам предложил, он ничем не может помочь. С этими словами он бесстрастно развернул свое пузо в сторону внутреннего кабинета и ретировался туда. Я вынул из паспорта пестрящее печатями рекомендательное письмо норвежского министра иностранных дел и попросил чернокожего клерка отнести его шефу. Снова в дверях показался начальственный живот, и нас любезно осведомили, что до озера невозможно добраться, пока не поднимется уровень воды в реке. К тому же папирус растет около Бола на северо-восточном берегу, а туда и вовсе можно попасть лишь самолетом. Может быть, я согласен взять напрокат самолет?

Да, согласен, если нет другого выхода.

Начальник управления схватил телефонную трубку. В стране было два одномоторных самолета, и оба стояли в ангаре на ремонте. Имелся еще один пассажирский самолет, двухмо-

торный, но ему требовалась для посадки восьмисотметровая дорожка, а посадочная полоса в Боле – всего 600 метров. К тому же, добавил начальник, чтобы снимать, нужно разрешение властей. Да еще в республике в эти дни неспокойно. Арабы в областях на пути к Боле – мусульмане, они не в ладах с возглавляющими правительством христианами. Так что сейчас опасно лететь на север. Чтобы мы не сомневались в его доброжелательности к нам, начальник Управления туризма дал нам машину и водителя: можно объехать Форт-Лами и разузнать у сведущих людей про обстановку у озера.

Мы получили от него адрес веселого плечистого француза с татуировкой на руках, который изучал возможности пополнения запасов рыбы и развития современного промысла на озере Чад. Он рассказал, что к болским зарослям папируса можно добраться только на джипе через пустыню с восточной стороны озера. То же самое сказал врач-француз, он же укротитель зверей и заядлый путешественник. И оба они подтвердили слова начальника Управления туризма о том, что в том краю неспокойно. Выяснилось, что на озере есть большой катер, который объезжает берега, скупая один местный злак, но где этот катер сейчас, неизвестно.

Франция – одна из немногих стран, поддерживающих дипломатические отношения с Республикой Чад. Мишель представил нас в посольстве, но посол был новый, приехал всего месяц назад, и никто из его сотрудников не бывал на озере.

Третий день в Форт-Лами, а мы все ходим из конторы в контору, из бунгало в бунгало, знакомимся с любезными людьми, они потчуют нас кофе, холодным пивом или виски и дают адреса других людей, которые, может быть, сумеют нам помочь. И вот круг замкнулся, нас уже снова направляют к начальнику Управления туризма и всем тем, к кому мы обращались в первый день.

Ладно, попробуем сами добраться до Бола на джипе... Власти дали официальное разрешение. В Боле находилась единственная на все озеро радиостанция, и Министерство внутренних дел обещало на всякий случай предупредить о нашем визите болского шерифа. Оставалось получить в Министерстве информации справку, что нам разрешено снимать. Как и в других ведомствах, главные посты здесь занимали преимущественно местные жители. Прочтя бумагу, которую секретарша написала под диктовку, министр схватился за голову и громко расхохотался.

– Этот человек археолог, ар-хе-о-лог. – Он кивнул на меня и вернул ей бумагу. – Исправьте на ар-хе-о-лог, не то мусульмане там отрубят ему голову!

Я осторожно заглянул через плечо курчавой красавицы. Официальный язык в республике – общий для всех здешних племен – французский. И девушка ухитрилась из «археолога» сделать «архиепископа», хотя эти слова не так уж и похожи во французском языке.

Ошибку исправили, а министр лишний раз пояснил нам, что лучше не впутываться в местные религиозные распри.

Получив надлежащие документы и двух чернокожих шоферов, один из которых, Баба, по его словам, бывал в Боле, мы рано утром, до восхода солнца двинулись в путь. Ехали на двух джипах – мало ли что случится в пустыне, – и эта мера себя вполне оправдала. В первой машине у нас была сплошь желтая карта с красными черточками под названиями Форт-Лами, Массакори, Али-фари, Каир, Нгура, Иссеир, Бол. Первые деревни мы отыскивали без труда. У обочины стояли надежные указатели, а плотно утрамбованный песок позволял развивать больше ста километров в час; правда, и такая скорость не спасала нас от пыли, облака которой вздымались из-под колес до самых звезд.

На ближайших к столице участках трудились машины и бригады рабочих, они прокладывали настоящее шоссе на твердой основе, чтобы и в дождь можно было проехать.

Километров двести мы уже отмахали, когда взошло солнце. Дальше дорога с каждым поворотом становилась все уже, и вскоре все следы двадцатого века остались далеко позади.

Как только мы выехали из столицы, городская застройка сменилась круглыми хижинами с соломенной кровлей, по большей части заброшенными, потом пошли соединенные малоезженной колеей и караванными тропами редкие деревни, глинобитные арабские лачуги, где вместе ютились люди, козы, верблюды и ослы. А там и вовсе пошло сплошное безлюдье.

Это началась пустыня. Южная кромка Сахары. Последний виденный нами термометр показывал около 50° в тени. Здесь же на десятки километров вокруг не было ни градусников, ни тени. Позади осталась саванна с веерными пальмами и сухими деревьями, остались настоящие рощицы, где газели, кабаны и обезьяны бросались наутек при виде машины, и разлетались пестрые тропические птицы, и только жирные цесарки нехотя освобождали колею. Теперь кругом лежал песок, будто снег на голом нагорье, плавные складки рельефа были занесены песчаными сугробами, дюнами, и только жидкие кустики тут и там пропороли иссушенную солнцем безбрежную гладь.

Солнце. Оно стояло прямо над нами, высекая блеск из металла. Джип до того накалился, что страшно прикоснуться к дверцам. От зноя слипались ноздри. Мельчайшая вездесущая пыль насытила жаркий воздух пустыни.

Мы поминутно увязали в глубоких дюнах, и тогда один джип тянул другой стальным тросом, а под колеса мы клали горячие листы железа. Моторы не выдержали жары, сначала один забастовал, за ним второй. Но Баба и его приятель были отличные механики, в их руках отвертка и гаечный ключ справлялись с любыми неполадками.

Где песок поплотнее, мы мчались с головокружительной скоростью. Нередко все следы колеи исчезали, и мы описывали большие дуги, пока Баба не заключал, что выбрался опять на верный путь. Так мы натолкнулись на глухую деревушку, не показанную на нашей карте. В глубокой рытвине около первых домиков оба джипа забуксовали, пришлось нам снова вылезать и браться за лопаты.

С разных концов медленно, не торопясь, подходили один за другим закутанные в серое арабы в белых чалмах. Они пристально глядели на нас, и никому не приходило в голову поздороваться и предложить свою помощь.

Никакой реакции на наши улыбки и приветствия. Ни одной женщины. Суровые мужчины с орлиным взглядом окружили нас плотным кольцом. Кожа темная, как у негроидов, но четкие черты лица, изогнутый нос и тонкие губы выдавали арабов. Трудная жизнь в пустыне наложила свой отпечаток на облик и душу здешних людей. Похоже, милости тут не жди. И телефона нет... Внешний мир был представлен только нашими джипами, которые прочно увязли в песке.

Подложены железные листы. Баба и его приятель сидят за рулем и без толку гоняют моторы, из-под буксующих колес летит песок. Арабы стоят неподвижно, затаились в себе, словно напряженно ждут чего-то. Кажется, лучше не мешкать, самому сделать первый шаг. У одного из них был начальственный вид, я вежливо протянул ему две лопаты и знаком попросил выделить нам кого-нибудь в помощь. Он на секунду опешил, потом схватил лопаты и крикнул что-то двоим. Мы сделали жест остальным, чтобы подтолкнули, и вот уже главарь рядом со мной уперся плечом в джип, и со всех сторон напирают желающие помочь.

Мы пожали руки, сказали «спасибо» и ринулись дальше во всю прыть наших колес, волоча за собой через деревню и по верблюжьей тропе густое облако пыли.

Под вечер мы неожиданно увидели в пустыне еще одну, с виду столь же нелюбезную деревню. Наши джипы с трудом протискивались через толпы людей и скопление верблюдов, ослов и коз на рыночной площади. Угрюмые, молчаливые арабы напирали на машины, сверля нас взглядом, как будто хотели прочитать наши мысли и выяснить, не присланы ли мы властями вводить христианство или собирать налог. Чувствуя, что мы отнюдь не желанные гости, мы, не задерживаясь, понеслись дальше.

Хотя дело шло к вечеру, нас душила жара. Баба жаловался на головную боль, пассажиры второго джипа наглотались пыли и все больше отставали. Вода в канистре только обжигала губы и вызывала тошноту, вместо того чтобы утолять жажду.

В виденных нами деревнях фруктов не было, только калebasы с бурой оазисной водой да кувшины с козьим молоком. За целый день мы не заметили на своем пути ни пустой бутылки, ни консервной банки, ни клочка бумаги. Лишь на выезде из столицы в одном месте около шоссе лежали осколки стекла. Все здесь собственного изготовления: одежда, упряжь, постройки. На дорогах длинные вереницы тяжело нагруженных осликов, арабы верхом на высоких верблюдах да семенящие за верблюдами женщины с кувшинами и корзинами на голове. Излишки домашнего производства отправляют на рынок в соседнюю деревню. Мы словно попали в другой, обособленный мир, нетронутый, независимый, обеспечивающий себя всем необходимым. Пропади наша цивилизация, а они знай себе будут жить дальше так же безбедно, так же скромно и неприхотливо – верные традиции, тесно связанные с природой.

И вот вдаль показалось озеро. Голубое, с холодным стальным отливом зеркало неба за кромкой ярко-зеленой поросли сочного папируса. С гребня песчаной дюны оно смотрелось как мираж, хотелось выскочить из машины, побежать туда, пробиться сквозь зеленый барьер, броситься в эту немислимо голубую воду, сделать добрый глоток и нырнуть, освежить воспаленную кожу, отмыть от насохших корок песка уши, ноздри, веки, поры, отмыться с головы до ног и снова пить, пить, пить... Тринадцать часов в джипе, мы с трудом разогнули затекшие ноги и уже хотели ступить на землю, но Баба нас остановил. Лучше не покидать машину. Лучше подождать до Бола. Деревня лежит на самом берегу; если поспешим, поспеем туда засветло. В пустыне ночью небезопасно.

До чего же нам трудно было удержаться! Вода, рукой подать, небесно-голубая вода, такая соблазнительно прекрасная в своей холодной нагоде за зеленой шторой. А ты садись на место, даваясь пылью, и тряпись дальше в раскаленном джипе. Баба развернул железную коробку кругом, скатился с дюны вниз, и снова потянулся песок, песок... Снова пустыня.

А Баба сделал доброе дело. Когда наши джипы уже перед самым закатом по утрамбованной караванами дороге, связывающей Бол с деревнями на востоке, въехали в городишко, пересекли безлюдную базарную площадь и остановились на берегу за домами и мы приготовились прямо в одежде прыгнуть в воду, послышался чей-то предостерегающий возглас. Молодой серьезный француз с бородкой, член работающего на озере исследовательского отряда, сухо довел до нашего сведения, что здесь не стоит купаться: озеро кишит паразитами, они в несколько минут пробуравят нам кожу.

Мы посмотрели на Бабу. Он пожал плечами, на которых тоже лежал слой пыли, и вернулся к машине.

Да, упоительно красивое озеро Чад – обитель одной из самых коварных тварей Африки – шистозомы. Так называют крохотное чудовище, точнее его личинку, представляющую собой тонкого, почти невидимого червячка длиной с миллиметр, который с ходу пробуравливает кожу, поселяется в организме и буквально пожирает человека изнутри.

Мы поблагодарили за предупреждение и спросили, где же можно помыться. Он сокрушенно покачал головой. Здесь всю воду берут в озере, ее надо кипятить или хотя бы несколько дней выдержать, прежде чем употреблять.

Местные жители держались поодаль, пока из белого домика не вышел человек богатырского роста, который в сопровождении маленького эскорта направился к нам. Сразу было видно начальника; это и в самом деле оказался исполняющий обязанности шерифа. Сам шериф куда-то выехал по делам, и никто в Боле не был предупрежден о нашем визите. Кто мы, где наши документы? Вице-шериф Адум Рамадан мучился зубной болью и явно был не в духе. К тому же на его попечении находилось все население Бола, две тысячи человек, и каждый десятый считал себя вождем. Словом, хлопот полон рот.

Мишель дал ему аспирина и объяснил, что нам нужно где-то устроиться на ночь, мы приехали из самого Форт-Лами и нигде в пути не отдыхали.

– Быстро ехали, – сухо заметил Адум Рамадан, пропустив мимо ушей слова о ночлеге.

Его интересовало другое: почему же все-таки не было радиogramмы из Форт-Лами, ведь радиостанция в порядке?

Велев одному из своих людей проводить нас в стоящий на берегу цементный сарай, жертва зубной боли исчез с остальным эскортом в сгущающемся мраке.

Мы вошли в сарай. Это была местная общедоступная гостиница: заходи и устраивайся, как можешь. Длинный коридор, по бокам – каморки, похожие на открытые стойла и набитые спящими людьми, через которых нам приходилось перешагивать.

В одном конце коридора помещался умывальник, правда без воды, если не считать мыльную жидкость в двадцатисантиметровой ямке в земляном полу. Мы хотели было накачать чистой воды, но передумали, когда увидели, что труба проведена из озера, зараженного шистозомой. Пришлось ложиться, так и не смыв с себя желтый налет.

Только наш проводник подмел пол, на котором мы собирались расстелить спальные мешки, как снова появился вице-шериф, и на этот раз его широкое лицо освещала добродушная улыбка. Зуб прошел. Если Мишель отдаст ему остаток лекарства, нам принесут из дома шерифа три кровати!

Едва озеро осветили лучи восходящего солнца, как нас разбудили негромкие голоса арабов, которые, стоя на коленях лицом к Мекке и касаясь челом земли, читали свои молитвы. Другие постояльцы развели маленькие костры из сухого папируса и молча готовили себе чай. Нас пригласили на завтрак к вице-шерифу. Он пребывал в отличном настроении и запретил нам трогать свои припасы: пока мы гостим в Боле, будем есть у него. Надо сказать, что у него была превосходная в своем роде кухня, только жевать надо было осмотрительно, чтобы на зубах не скрипел вездесущий песок.

В этот день я впервые в жизни увидел папирусную лодку. Она плавно прошла мимо меня по зеркальной глади заколдованного озера, которое за ночь уже успело изменить свой вид. Когда мы приехали накануне, прямо напротив сарая темнел большой низкий остров; теперь он бесследно исчез, зато появилось сразу три других острова. Меньший из них у меня на глазах скользил вправо, и за ним даже тянулось что-то вроде кильватерной струи. Он напоминал аранжированную искусной рукой цветочную корзину с толстым букетом пушистых золотых соцветий – посередине длинные цветки, по краям стебли покороче, изящно склоненные над голубой водой, отражающей нежные желтые метелки и зеленые цветоножки. Эстетическую законченность композиции придавали торчащие из дерновины цветочки, листики и выюнки. Плавающий остров из сплетенных корней и волокон двигался степенно и бесшумно без всяких там весел и моторов. А рядом, легко обгоняя эту цветочную корзину, уверенно шла папирусная лодка с двумя африканцами в белых тогах. Они стояли прямо, как оловянные солдатики, работая длинными шестью. Желтая лодка и стройные мужчины тоже отражались в озере, и опрокинутая картинка напомнила мне другие камышовые лодки, которые и впрямь плыли вверх ногами по отношению к нам на противоположном конце земного шара, на озере Титикака в Южной Америке. Причем лодки Титикаки так похожи на чадские, что вполне могли бы выступить в роли зеркального отражения.

Я жаждал сам походить на такой лодке и узнать, как их делают. Ведь мало просто связать вместе папирус, как бог на душу положит, надо знать секрет, чтобы получилась нужная форма.

Шериф устроил нам торжественную аудиенцию у султана М'Буду М'Баами, местного религиозного главы и самого могущественного человека на много километров вокруг. Сам шериф и его заместитель были с юга страны, их прислали из Форт-Лами для охраны политических интересов христианского правительства, а султан из местного племени будума опирался на мусульманское население области.

Плечистый шериф поражал своим могучим телосложением; султан же был худой и долговязый, полных два метра росту, закутанный в белый бурнус, только и видно, что орлиный нос да острые глаза.

Каждый из местных вождей сбрасывал сандалии, прежде чем ступить на площадку перед глинобитным домиком султана, где происходила аудиенция. Затем участники торжественного приема выстроились по краям большой песчаной площади посередине деревни – парадного манежа, где султан должен был гарцевать на своем пылком белом коне в честь гостей. Двое, держа коня под уздцы, все время заставляли его дыбиться, сам султан сидел неподвижно в седле, а кругом, обмахивая повелителя легкими шаялями, бегали девицы в ярких нарядах. Когда кончился этот хоровод, сопровождаемый барабанным боем и пением рожков, мимо нас лихим галопом промчались всадники. Они размахивали мечами и издавали хриплые вопли, а один из них несколько раз проскакал перед нами совсем близко, чуть не по нашим ногам, с грозными ужимками и завыванием вращая саблей у нас над головой. Я осторожно спросил шерифа, как это понимать. Он ответил, что всадник просто куражится. Но Баба добавил, что воин выражает свою антипатию к нам, не мусульманам. Правда, султан такого чувства не выказывал, напротив, он очень заинтересовался, когда услышал, что мы хотим научиться делать папирусные лодки. И направил нас к своему родственнику, статному африканцу по имени Умар М'Булу, который жил в одной из конусовидных соломенных хижин квартала будума. Только шериф и его заместитель занимали белые бунгало, увитые красными цветами бугенвиллеи. Будума и канембу жили в круглых хижинах из соломы, а арабы, составляющие большинство населения районного центра Бол, – в низких глинобитных домиках.

Бритоголовый Умар был черный как ночь, высокий и стройный, со сверкающими в улыбке глазищами и большими зубами. Кроме родного языка он говорил на арабском, голос у него был приветливый и негромкий, и разговаривая, он почти все время улыбался. Рыбак по профессии, он не стал мешкать ни минуты, когда Баба, обратившись к нему по-арабски, попросил его связать лодку из папируса. Выдернул из стены своей хижины длинный нож-мачете, забросил на плечо полу голубой тоги и зашагал впереди нас к озеру. Вот он нагнулся, и под черной кожей заиграли мышцы, когда длинный нож стал подсекать высокий папирус у самого корня. Один за другим ложились на край трясины длинные мягкие стебли. К Умару присоединился добровольный помощник, его сводный брат Мусса Булуми. Он был постарше, поменьше ростом, тоже бритоголовый, однако без королевской осанки Умара. Мусса знал лишь язык будума, но одинаково весело улыбался, когда Баба обращался к нему по-арабски, Мишель по-французски, Джиданфранко по-итальянски или я по-норвежски. И он еще проворнее Умара косил папирус.

Заготовив большущие охапки зеленых стеблей, их оттащили от воды и сложили на земле. Предстоял урок вязки лодок.

Поблизости стояли две большие папирусные лодки человек на двенадцать. Мы начертили на песке лодку поменьше, метра на четыре, чтобы можно было погрузить ее на крышу джипа. На помощь были призваны еще два соплеменника Умара и Муссы. Они сели на песок под деревом и принялись соскребать мякоть с кожистых листьев пальмы дум. Тугие белые жилки разделялись при этом на тонкие нити, из этих нитей между ладонью и бедром скручивали веревочки, а из веревочек потом сплетали толстые веревки. И вот уже Умар и Мусса начали вязку; остальные двое едва поспевали снабжать их веревками.

Длина стеблей была два метра с лишком, толщина у корня – четыре-пять сантиметров. В разрезе папирус представляет треугольник с закругленными углами; он не пустотелый и не коленчатый, как бамбук, сплошной стебель состоит из напоминающей белый пенопласт губчатой массы, обтянутой гладкой кожей.

Для начала Умар взял стебель и расщепил его вдоль на четыре части, но не до конца. В развилке он всунул комлем вперед четыре целых стебля и продолжал затем вставлять

между ними новые стебли, получалась утолщающаяся сигара. Стебли туго-натуго перевязывали веревками; Умар и Мусса, держа в зубах каждый свой конец петли, затягивали ее руками и зубами, так что мышцы на руках и шее вздувались черными буграми. Очевидно, сжать губчатый срез стеблей так плотно нужно было, чтобы закрылись все поры. Достигнув в диаметре примерно полуметра, конус переходил в ровный цилиндр, получился этакий огромный карандаш. Его положили острым концом на чурбан, и мастера стали прыгать по снопу и притаптывать его, пока он не изогнулся вроде слоновьего бивня. Так была придана нужная форма носу, после этого первый конус нарастили с боков еще двумя, покороче, причем привязывали стебли по одному, так что все три конуса были очень плотно сращены между собой.

Когда лодка достигла в длину черты, которую мы провели на земле, она, по сути дела, была готова и представляла собой вполне симметричную конструкцию, кроме кормы, где папирус торчал, как прутья в метле; при желании ее можно было бы наращивать до бесконечности. Проблему с кормой Умар и Мусса решили простейшим способом. Взяли нож подлинней и отсекли все лишнее, как обрезают горбушку у колбасы. После чего папирусная лодка с загнутым вверх острым носом и широкой обрубленной кормой была готова к спуску на воду. Строители управились с работой в один день.

– *Кадай*, – улыбнулся Мусса и погладил готовое изделие своих рук.

Так будума называют лодку, которая с незапамятных времен составляет как бы основу их жизни, неразрывно связанной с озером. Никто не знает, когда и у кого они научились ее строить. Может быть, сами додумались. А может быть, их далекие предки пришли караванными тропами из долины Нила. Так или иначе на Чаде древняя конструкция сохранилась всюду, где только есть папирус, даже в тех частях озера, которые принадлежат Республикам Нигер и Нигерия. Традиционные приемы строительства везде одни и те же, и везде лодка выглядит одинаково, разница может быть только в длине и ширине.

В просвете среди папируса, где мы спустили на воду нашу лодку цвета зеленой травы, были также причалены к берегу четыре долбленки из могучих стволов, очевидно принесенных из леса рекой Шари во время паводка. Мы воспользовались ими как мостками, проходя к своей *кадай*. Умар презрительным жестом выразил свое отношение к неустойчивым долбленкам, похожим на длинные полузатопленные корыта. Дескать, канембу не будума, не умеют вязать *кадай*...

Я уже приготовился прыгнуть на нашу *кадай*, которая лежала на воде кривым зеленым огурцом, когда увидел Абдуллу. Это была моя первая встреча с ним. В самую нужную минуту он явился вдруг, как дух из лампы Аладдина.

– Бонжур, мсье, – поздоровался он. – Меня зовут Абдулла, я говорю по-французски и по-арабски. Вам не нужен переводчик?

Конечно, нужен! Разве я без перевода узнаю что-нибудь толком от Умара и Муссы, когда мы выйдем втроем на озеро на нашем плодовоощном изделии?

Завернутый в длинную белую тогу, с осанкой Цезаря, Абдулла держался очень деликатно. Голова у него была так же гладко выбрита, как у Умара и Муссы, лицо – чернее ночи, со лба на нос спускался длинный шрам. Впрочем, этот знак племенной принадлежности производил скорее приятное, чем отталкивающее, впечатление. Добавьте живые умные глаза, постоянно изогнутые в искренней улыбке губы и ровный ряд белых зубов, которые то и дело обнажались в радостном смехе. Сразу видно неподдельного сына природы, внимательного помощника и веселого товарища. Абдулла Джибрин уже достал откуда-то два грубо обтесанных двойных весла и подал мне одно из них.

Под жужжание кинокамеры, увековечивающей итог эксперимента, мы один за другим заняли места на узкой папирусной лодке. И нечаянно оказались свидетелями интересной картины.

Был базарный день, и в Бол из пустыни и с островов собрались тысячи людей в колоритных нарядах. На рыночной площади кипела жизнь, не видно земли от женщин, мужчин и детей, которые проталкивались мимо друг друга, неся на голове кувшины, подносы и корзины с пряностями, соломой, шкурами, орехами, сушеными кореньями, местными злаками. Лица в шрамах, обнаженные груди, голосящие младенцы... Глаза – умные, угрюмые, кокетливые... К благоуханию пряностей примешивался запах навоза, сушеной рыбы, козьей шерсти, пота, кислого молока. Солнце нещадно пекло, жужжали полчища мух, но их заглушали кричащие, бормочущие, тараторящие люди, которые яростно торговались на трех различных языках под мычание, рев и блеяние сотен коров и тысяч ослов, коз и верблюдов, и громче всего звучали мерные удары кувалд по звонкому металлу там, где кузнецы ковали наконечники для копей и кинжалы.

И вот от этого муравейника отделилась группа черных фигур, которые криком и палками погнали к озеру стадо коров с большущими кривыми рогами. Подойдя к воде, они разделись и поплыли следом за своим скотом, пристроив узелок с одеждой на голове. Похоже, что среди местных жителей многие в отличие от европейцев невосприимчивы к шистозоме. Многие, но не все. И для здешних эта болезнь, превращающая человека в развалину, настоящий бич.

Пастухи плыли на остроконечных поплавах, одни из которых были сделаны из дерева, напоминающего бальсу, другие связаны из папируса, в точности как одноместные лодочки из камыша, знакомые мне по Перу и острову Пасхи. Они быстро удалялись от берега, уже только и видно торчащие рядом с носом поплава черные головы с узлами на макушке, а впереди – рой рогов, плывущих к длинному острову вдаль. Абдулла объяснил, что эти будума купили скот на базаре и теперь перегоняют его на свой остров. Белый песчаный пляж и пальмы дум свидетельствовали, что остров не плавучий. Зато с другого конца в пролив как раз входили два папирусных островка с развевающимися цветками.

Тем временем мы сами отчалили и пошли на веслах вдоль берега. Через Абдуллу мы узнали от Умара, что многие семьи будума живут на плавучих островах. Умар и Мусса сами родились на таком острове, причем Мусса и сейчас там живет, а в Бол приехал продать рыбу. Озеро богато рыбой, самая крупная – больше человека. Есть также крокодилы и бегемоты, правда их теперь мало осталось.

Коровы и прочий скот вместе со своими хозяевами странствуют на плавучих островах по всему озеру, и нередко таможенники Нигерии становятся в тупик, когда из Республики Чад, не покидая родной земли, прибывает какая-нибудь семья будума со своими коровами и другим имуществом. С пастбища на пастбище скот обычно перегоняют вплавь, но на рыбную ловлю и в далекие путешествия будума выходят на папирусных лодках. Мы уже слышали в Боле, что иногда из папируса вяжут лодки, способные взять и 40 тонн груза, и больше. По словам Муссы, он однажды помогал строить *кадай*, на которой перевезли через озеро восемьдесят голов скота. А еще была *кадай*, так на ней поместилось сразу двести человек.

Как ни неправдоподобно звучали все эти рассказы о грузоподъемности *кадай*, я готов был поверить в них, очутившись сам вместе с Муссой, Умаром и Абдуллой в наскоро связанной по моей просьбе лодчонке. Совсем узкая, хоть верхом садись, она тем не менее не прогибалась у нас под ногами и шла очень устойчиво, с осадкой не больше, чем у резиновой надувной лодки. Издали такая голубая, вода была отнюдь не прозрачной вблизи, и я бы не хотел шлепнуться в этот шистозомный суп. Тем более что возле зарослей папируса было легче всего заразиться, ведь личинка выходит из тела улитки, живущей на стеблях. А тут Умару и Муссе зачем-то понадобилось поменяться местами. Они протиснулись мимо Абдуллы и меня, придерживая нас руками, чтобы не столкнуть за борт, и лодка хоть бы качнулась.

Подойдя к большему из двух плавучих островов, мы увидели в зарослях старую, полу-сгнившую папирусную лодку. Ее палуба погрузилась вровень с водой, многие веревки совсем распались, и, однако, даже эта развалина выдержала мой вес, когда я осторожно перешел на

нее. Сколько же времени этой *кадай*? Что-нибудь около года, ответил Умар. Сказать точнее он, естественно, не мог. Так или иначе старушка еще держалась на воде.

Мы целый день ходили на веслах между папирусными островами и не могли на них налюбоваться. Одолжив *кадай* покрупней, которая была причалена рядом с долбленками, нас догнали мои товарищи. Потом подошли рыбаки на двух лодках, и мы принялись ставить сеть, глядя, как плещутся огромные рыбы капитен. Но вот и вечер настал, кончился мой первый день на борту папирусного судна.

...Стоим втроем у караван-сарая, глядим на сверкающее звездное небо. Другие, не столь дальние странники, давно уже спят вповалку на полу, а мы только что вернулись из гостей, ходили в скромную лачугу американца Билла Холисея, который осчастливил нас душем из подвешенной на дереве железной бочки с самодельной лейкой. Путешествуя один в пустыне в разгар религиозных распрей, Билл по-своему помогал примирению сторон. Там, где было особенно худо с водой, он бурил колодцы, и как только появлялась вода, у мусульман пропадала охота убивать христиан. Теперь он занимался бурением в арабских и в негритянских кварталах Бола.

После омовения мы словно заново родились на свет, и захотелось еще подышать чистым воздухом, прежде чем забираться в душную конуру. Конечно, лучше всего было бы спать на воле, но по ночам здесь выходят на охоту ядовитые змеи.

Жаркая, темная, безлунная тропическая ночь, заманчиво мерцают далекие звезды... Тишина, только звенят цикады, да в зарослях папируса квакают полчища лягушек. Пустыня мертва, словно и нет ее, нет и селения, канули в ночной мрак. Последний взгляд на звезды, и мы уже хотели войти в низкую дверь караван-сарая, когда я вдруг что-то услышал и остановил своих товарищей. Мы прислушались.

Из пустыни доносился далекий, едва уловимый рокот барабанов и дрожащий тонкий голосок какого-то духового инструмента. Весь Восток воплотился в этих звуках, как будто мелодию сочинил сам песок, а исполнял ее теплый ночной воздух. И нигде ни огня, но я не мог ложиться, не увидев диковинного зрелища, несомненно связанного с этим таинственным концертом.

Звуки терялись вдалеке. Я попробовал уговорить своих товарищей пойти со мной, однако их такая прогулка не соблазняла, им хотелось спать. На всякий случай я сунул в карман фонарик. Тут ведь надо подкрасться незаметно, ни к чему тащить с собой большой фонарь с аккумулятором, когда хочешь посмотреть на что-то так, чтобы никому не помешать и чтобы тебе не помешали. С другой стороны, я столько всего наслушался, что совсем без фонарика тоже не хотелось идти. Мало ли что...

Темно, хоть глаз выколи. Я сориентировался по звездам, чтобы отыскать потом караван-сарай, который сразу пропал во мраке, стоило мне сделать несколько шагов. По мелкому песку я шел почти бесшумно, главное было – поднимать повыше ноги, чтобы не споткнуться о какой-нибудь бугорок.

Иду, иду, а барабан все так же далеко. Вдруг путь мне преградила глиняная стена. Деревня. Арабская лачуга. Придерживаясь руками за стену, я дошел до угла и повернул, идя на звук. Долго не было никаких преград, потом мои руки уткнулись в изгородь из папируса. Притаившиеся во тьме дома не выдавали себя ни одним лучом света. Огороженная с двух сторон широкая песчаная улица вела прямо туда, откуда все отчетливее доносилась музыка. И я различил на фоне звезд круглые очертания крыш; ниже была сплошная чернота. Пошел побыстрее. И тут же споткнулся обо что-то большое, косматое и живое. Громко прозвучал хриплый горловой крик, меня грубо швырнули на землю. Я потревожил спящего верблюда. И даже теперь не разглядел его, только по хрусту суставов понял, что он удаляется.

Я замер в напряженном ожидании, но дома словно вымерли, ни огонька, ни звука. Только музыка явственно отдавалась в ночи. Барабаны и что-то вроде рожка или свирели. Я дви-

нулся дальше с вытянутыми вперед руками и пересек так всю деревню. Теперь музыка звучала где-то совсем близко. Глаза различили тусклый свет керосинового фонаря. Дома остались за моей спиной, а впереди какие-то тени мелькали нескончаемой чередой, заслоняя свет. Дальше шло открытое пространство, – очевидно, здесь начиналась сама пустыня. Бесшумно обогнув последнюю преграду – глиняный дувал, – я разглядел множество человеческих фигур. Это были стоящие и сидящие зрители; я переступил через ребятишек, которые, сидя на корточках возле дувала, смотрели как замороженные туда, где светил фонарь. Никто не обратил на меня внимания. Пожалуй, лучше всего остаться около стены, где меня не видно, и не двигаться, затеряться среди всех этих закутанных в бурнусы людей, неотрывно смотрящих на нескончаемое шествие силуэтов.

И тут же я сообразил, что это не шествие, а танец, мужской хоровод. Идя по кругу, танцоры часто перебирали ногами, наклонялись, опускали руки к земле и снова поднимали их к небу под колдовские звуки рожков и дробь барабанов. В широком кольце танцующих можно было рассмотреть музыкантов. И там происходило еще что-то, мелькали две женские фигуры, то они вроде сидели, качаясь, на каких-то стульях, то их будто кто-то волочил по кругу за волосы, спиной вперед. Я шурился, вертел головой и так и сяк, пытаюсь разобраться, что там делается, но тут все мое внимание сосредоточилось на новой детали. Один человек отделился от хоровода и, не переставая танцевать, направился ко мне. В руке он держал короткий меч, которым взмахивал под музыку.

Откуда я взял, что он ко мне идет, разве можно меня рассмотреть в темноте? Но нет, никакого сомнения, он именно меня приметил... И вот уже меч сверкает перед моим носом. Я принудил себя улыбнуться, дескать, шутка есть шутка, я все понимаю. Однако ответной улыбки не было. Суровый араб, пританцовывая, продолжал размахивать своим мечом. Уголком глаза я видел, что вокруг фонаря по-прежнему вращается кольцо танцующих, только этот чужак напирал на меня. Я снова попробовал улыбнуться, но потом до меня дошло, что улыбаться тут нечему, я попал в дурацкое, унижительное положение. Острие меча то грозило отсечь мне нос, то вонзалось в дувал около моей головы.

Я лихорадочно соображал, как мне быть. Перехватить меч рукой? Останусь без пальцев. До самого танцора мне не дотянуться. Он как-то нетвердо ступал, словно находился в трансе. Пьян? Но я не видел, чтобы здесь пили вино. Накурился наркотика? Кто мне ответит, кто научит, что делать, пока меч не расписал мне лицо.

И тут, подчиняясь шестому чувству, я вдруг пустился на такую штуку, что сам усомнился в своем рассудке. Видели бы меня сейчас мои родные, они решили бы, что я свихнулся. Я начал танцевать, да, да, танцевать. Сперва на месте, чтобы не напороться на меч. Похоже, араб опешил; во всяком случае, он на миг как будто сбился с такта, но тут же опять запрыгал, и мы, танцуя вместе, двинулись к фонарю – он задом наперед, я за ним. Участники хоровода механически расступились, пропуская нас в круг, и никто не реагировал на наше появление, я же так старался поточнее повторять движения танцоров, что уже не различал особо ни моего партнера с мечом, ни кого-либо из остальных. А когда ко мне вернулась способность наблюдать, я уже слился с широким кольцом танцующих арабов, будума и канембу и видел только четырех музыкантов, которые стояли, приплясывая, у самого фонаря. Танец был совсем несложный: знай, шаркай ногами под музыку, подпрыгивай и наклоняйся, как все.

Я как-то не сразу заметил, что круг постепенно становится меньше. Участники неприметно отходили по одному, и вот уже всего человек десять – двенадцать танцуют вокруг фонаря и музыкантов. Дудочник, должно быть, с младенчества дул в свою свирель, потому что щеки у него были совсем круглые и как будто сделанные из черной резины, которая, растягиваясь, становилась коричневой. А может быть, это мне так казалось из-за освещения. Но что у него по лбу пот катил градом, это уж совершенно точно, и приглядевшись, я обнаружил, что все остальные тоже обливаются потом. И еще я увидел: у каждого танцора была в руке монетка, ее

отдавали дудочнику, когда отделялись от хоровода и ныряли в темноту. Не пристало мне быть хуже других! Я достал из кармана ассигнацию Республики Чад; тотчас дудочник, сопровождаемый барабанщиками, приблизился и задудел мне прямо в лицо; темп возрос, круг еще больше сузился, осталось всего четверо танцоров, и внимание музыкантов недвусмысленно сосредоточилось на самом щедром. Глядя на своих потных партнеров, я с удивлением заметил у них явные признаки утомления, словно они в этом состязании – кто кого перепляшет – уже дошли до точки. У нас в Европе любители твиста или шейка так скоро не сдаются, но, может быть, у всадника из пустыни ноги послабее, чем у северного лыжника; я только-только во вкус начал входить, правда они, наверно, танцуют не первый час, а я только что начал, могу хоть целую вечность продолжать в этом духе, шарк-шарк-скок-нагнулся-выпрямился, ух ты, еще быстрее; видно, музыканты решили, что пора заканчивать; еще один вышел из круга, за ним другой; состязаться так состязаться, быстрее, быстрее, так и запыхаться можно; ага, последний сдался, я танцую один; дудочник бросается мне на шею и хватает ассигнацию, люди напирают, белки, зрачки, всем надо посмотреть, и поди пойми эти взгляды... Жадно глотая ночной воздух, я ощущал приятную усталость и радовался, что человек с мечом пропал. В эту минуту из темноты вынырнул какой-то могучий детина и подвел ко мне двух дородных дам не первой молодости, красотой и пропорциями заметно уступающих многим местным жительницам, которых мы видели днем на пляже. Их черная кожа блестела от пота, как у тех ребят, что плясали со мной. Уж не те ли это женщины, которые что-то изображали в центре круга? Их молча поставили рядом со мной, словно призовые кубки. Тусклый свет фонаря падал на сотни арабских и негритянских лиц, окруживших меня со всех сторон. Что делать? Как выйти из положения, которое все более осложняется, и как выйти из этой толпы в ночь, откуда я пришел?

Вдруг чья-то тяжелая рука легла мне на плечо – Умар!

– Мсье брав тамтам, – одобрительно сказал он, исчерпав этим свой запас французских слов.

Я смотрел на улыбающееся лицо моего спасителя, единственное знакомое лицо. Этот праздник явно был для простых людей, ни султан, ни шериф не пришли. Но Умар тоже пользовался авторитетом, и увидев, что я на дружеской ноге с родственником султана, толпа раступилась. Вдвоем мы прошли под аккомпанемент цикад через безлюдную деревню.

После этого случая мои акции в Боле заметно поднялись. На следующий день только и говорили о том, как я здорово танцую под тамтам и как щедро вознаградил музыкантов. Между тем шериф получил новые известия о том, что в пустыне неспокойно, и настаивал на том, чтобы мы оставались его гостями, пока за нами не пришлют самолет. Связаться микрофоном с Форт-Лами не удалось, но радист передал ключом, что нам нужно воздушное «такси».

Мы приобрели немало добрых друзей в Боле и с удовольствием проводили дни на папирусных лодках на озере. Так прошла неделя. Но вот в воздухе над плавучими островами раздался гул мотора, маленький самолет пронесся бреющим полетом над папирусом, развернулся над самыми крышами Бола и сел на ровной песчаной дорожке. Через минуту мы уже здоровались с французским летчиком. Он был готов тотчас лететь обратно, забрав нас троих, но киноаппаратуру его самолетик осилить не мог, только по чемоданчику с одеждой на каждого. Связанную для нас папирусную лодку мы примостили на крыше одного джипа, все остальное снаряжение погрузили во второй, к Бабе. Шериф и султан заверили, что без бледнолицых чужеземцев чернокожие шоферы могут ехать через пустыню спокойно, на них, никто не нападет.

Последними с нами простились лодочные мастера Умар и Мусса и переводчик Абдулла Джибрин. Шериф и султан не раздумывая сказали «да», когда я спросил, можно ли братьям приехать ко мне в гости в Египет, если мне понадобятся специалисты строить папирусную лодку. Абдулла перевел мой вопрос с французского на арабский для Умара, Умар с арабского на язык будума для Муссы, и братья восторженно подтвердили свое согласие, смеясь, кивая и пожимая мне руку двумя руками.

– Они согласны, – торжественно сообщил Абдулла, – а я поеду переводчиком!

В эту минуту мы уже сидели в самолете, и я сквозь чихание капризничавшего мотора сам не разобрал своего ответа, но Абдулла понял меня так, как ему хотелось.

К самолету протянули провода от джипа Бабы, наконец мотор заработал, мы тронулись с места и взмыли в воздух над хижинами будума, над *кадай* и папирусными зарослями. За хвостом самолета желтела безбрежная пустыня, через которую мы сюда добрались, а внизу раскинулось озеро Чад с самыми удивительными в мире островами. Около Бола поверхность озера напоминала мозаику, сдвинутую неосторожной рукой. Зеленые островки были разделены сложным лабиринтом синих проливов. На некоторых клочках потрескавшегося пейзажа были изображены крохотные круглые хижины и пасущиеся игрушечные коровы, а в голубых просветах горчичными зернышками желтели *кадай*. Дальше до самого устья Шари протянулась сплошная синева. На весь путь через озеро и до Форт-Лами ушел какой-нибудь час. А затем началось томительное ожидание джипов. Прошел день, другой, третий. С Болом наладили микрофонную связь, и шериф подтвердил, что обе машины давно выехали.

Договорившись с владельцем автобазы, мы отправили из Форт-Лами навстречу третий джип. Водитель, проехав полдороги до Бола, вернулся и доложил, что видел только нашу колею. Послали на рекогносцировку маленький самолет. Он три часа кружил над нашим маршрутом, но нигде не было видно застрявших в песке машин. Ученые, работавшие на озере Чад, проверили всю дорогу до Бола – ничего.

Мы обратились к властям. Они ничем не могли нам помочь. Рейсовый самолет, который садился в Форт-Лами только раз в неделю, ушел без нас. Кинооператоров ждало в Эфиопии другое задание, но они не могли лететь туда без своей драгоценной аппаратуры.

Наконец мы смекнули, что надо делать, и во главе с Мишелем пошли в штаб французских войск. Когда Чад стал независимой республикой, французы покинули правительственные учреждения, но при желании их нетрудно было найти. И для командующего французским корпусом не представляло труда найти пропавшие джипы. Уже через несколько часов командующий сообщил нам, что обе машины найдены, стоят бок о бок под большим деревом в глухой деревушке. Как выяснилось, это наши собственные шоферы удрали с драгоценной добычей, рассчитывая сбыть ее арабам. Папирусная лодка, ради которой мы все затеяли, их меньше всего интересовала, они выбросили ее. Увы, в пустыне не нашлось покупателя на киноаппаратуру, им удалось продать лишь бензин из баков обеих машин. Патруль, поймавший беглецов, передал по радио, чтобы мы выслали машину и бензин, если хотим вернуть джипы в Форт-Лами.

Не знаю уж, чем все это кончилось для вероломного Бабы и его приятеля. Их не было в джипе, который через неделю подъехал с нашим снаряжением к трапу рейсового самолета. А вот нашего преданного переводчика Абдуллу местные власти вскоре арестовали и бросили в тюрьму. Но тогда, вылетая в Европу, мы никак не могли этого предвидеть.

И вот уходит назад удивительный тигель Центральной Африки, леса и пустыни, чернокожие африканцы и желтые просторы Сахары, через которые, не оставляя следа, скользнула тень нашего огромного самолета – тень двадцатого века.

До свидания, Африка.

Глава 5

Среди черных монахов в истоках Нила. За папирусом в Эфиопию

Чтобы связать лодку, нужен материал. Мне нужен был необычный материал – папирус. Где он есть? На озере Чад. Но сердце Африки не связано с внешним миром никакими артериями, ни рекой, ни шоссе, ни железной дорогой. Самолет? На нем можно вывезти мастеров, но не вывезешь столько папируса, сколько надо для большой ладьи. Да и как его доставишь из Бола до аэродрома в Форт-Лами?

В Египте? Ну конечно же. На каменных стенах гробницы фараона нарисованы лодки из папируса. Камень и папирус. Камень в пустыне, папирус по берегам Нила. Природа даровала древнейшим жителям Нильского поречья камень и папирус. Да еще ил с Эфиопских гор, который откладывался на берегах реки. Ил кормил крестьянина, из папируса вязал себе лодку рыбака, камень нужен был фараону, беспокоившемуся о своей загробной жизни. На бумаге из папируса ученые-египтяне записывали события древнейшей истории человечества. На папирусе перевозили камень, на камне увековечивали папирусную лодку. Цветок папируса – обычный мотив в искусстве Древнего Египта. Он служил государственным знаком Верхнего Египта, и в одном из мифов птичеловек Гор, сын солнечного бога Ра, связывает его вместе с цветком лотоса Нижнего Египта, объединяя весь Египет в одно царство.

Если вам нужен бальсовый плот, сделайте, как делали инки: отправляйтесь в лесные дебри Эквадора и срубите стволы, полные природного сока. Если вам нужна папирусная лодка, сделайте, как делали люди фараона: отправляйтесь на заболоченные берега Нила и нарежьте зеленого папируса. Когда фараону нужна была лодка, задача решалась просто. К его услугам были вооруженные многовековым опытом искуснейшие корабельщики, которые знали все о папирусе и папирусных ладьях, он имел сколько угодно рабочих рук, и строительный материал рос в изобилии прямо у ворот его дворца. Заросли папируса тянулись по обоим берегам Нила на десятки километров от Средиземного моря на юг, в глубину страны. Но так было при фараонах.

– Теперь в Египте папирус больше не растет, – объяснил мне Жорж Сориал, египетский аквалангист, знающий Нил как свои пять пальцев. – Камня предостаточно, если тебе захочется построить пирамиду, но папируса не наберется даже на игрушечную лодку.

И он подвел катер поближе к берегу, чтобы я мог убедиться в его правоте.

Множество парусов скользило вверх и вниз по Нилу между пальмами, песчаными отмелями и возделанными полями, но ни один золотоволосый стебель папируса не склонял больше своей косматой головы над бурой нильской водой, чтобы покрасоваться перед зеркалом. Папирус перевелся в Египте еще в прошлом веке. Никто не знает почему. Боги забрали обратно один из своих древних даров, буквально выдернули его с корнем. Камень есть – остались горы, остались пирамиды, но ила тоже поубавилось с появлением плотин. И вместе с папирусом с берегов Нила исчез последний египтянин, который владел искусством строить папирусные лодки.

Мы странствовали по живописному Нильскому поречью верхом на конях и верблюдах, на автомашинах, поездах и катерах. Приходили на рыбацьи шаланды и грузовые баржи, сидели под солнцем на серых досках и ели арабские лепешки с липнущим к палубе мягким сыром, надеясь получить какие-то сведения от речников, которые не знали, что такое обувь, и редко сходили на берег. Они родились на борту, и всё: жена, дети, скот, скарб – находилось тут же. Сто раз чиненная деревянная лодка с каютой-шатром – родной дом нильского рыбака, его деревня, его мир. И мы немало узнали от них. О том, как люди ухитряются жить и трудиться там, где, казалось бы, и повернуться-то негде. Как стряпают на легковоспламеняющейся палубе над глиняным очагом. Как заготавливают провиант, который не боится никакого солнца. Но о

папирусе они нам ничего не могли рассказать, тут скорее мы их могли поучить. Рыбаки в жизни не видели папирусного цветка, не видели даже маленького пучка этой травы, посаженного для туристов у фонтана перед входом в Каирский музей. Они не заходили внутрь гробниц. И отцы им не говорили, что некогда по Нилу ходили совсем другие лодки, а не те, на которых они сами выросли.

Однако Нил велик. Он тянется на юг через Египет и Судан до своих истоков в Уганде и Эфиопии. И вот там-то, по берегам озер в его верховьях, папирус уцелел. Я услышал даже, будто бы он там растет так же пышно, как на озере Чад.

Должно быть, древние любили странствовать по свету, ведь многие из фараонов, правивших Египтом, родились в далекой Эфиопии, где начинается Голубой Нил. Но в Средние века нильский путь был забыт, и легенда помещала истоки великой реки в таинственных, неведомых Лунных горах. Лишь после того, как европейцы во времена Колумба тоже пустились в странствия, итальянцы и португальцы вновь открыли верховья Нила. И люди нашей эпохи узнали, что Голубой Нил вытекает из озера Тана, лежащего высоко в горах Эфиопии. В Марокко и на Сицилии тоже есть папирус, но очень мало, на большую ладью сразу не соберешь.

Итак, отправляясь за папирусом к истокам второй по длине реки земного шара; позавидуешь фараонам... К тому же в Судане были какие-то осложнения, и власти косо смотрели на туристов, да еще таких, которые уверяли, что цель их поездки – связать лодку из цветков папируса! Зато Эфиопия не стала чинить препятствий, и рейсовый самолет доставил нас в Аддис-Абебу, столицу древнего королевства, расположенную на высоте 3 тысяч метров над уровнем моря, посреди зеленого нагорья с россыпью желтых цветов.

Моим спутником был начинающий кинооператор, итальянец Тоси, худой и такой долговязый, что мы насилу втиснули его в маленький самолет местной линии, который ходит на озеро Тана. И вот уже нас качает на воздушных ухабах над зелеными холмами Эфиопии. Внизу на склонах и вершинах жались в кучу живописные круглые соломенные хижины. Долго ландшафт напоминал волнистую, всех оттенков зелени площадку для игры в гольф. Потом пошли изборозжденные ущельями горы. На дне глубоких диких каньонов пенились белые ручьи. А вот и верхнее течение Нила – красно-бурая лента на дне судорожно извивающейся теснины между обрывистыми скалами. Эти извивы были словно рисуночное письмо самой природы, повествующее о том, как древняя река в союзе с всемогущим временем тысячелетиями вгрызалась в горный массив, выплевывая пережеванные ею скалы Эфиопии в виде миллионов тонн ила на засушливые равнины Судана и Египта. С незапамятных времен Нил без устали перемальвает горы Эфиопии в удобрение для полей Египта. Вот уж подлинно исторический ландшафт, ведь из этих борозд возникла почва, питавшая один из корней мировой культуры.

Мои размышления были нарушены. Пилот взял ручку на себя, самолет резко пошел вниз и чуть не сбрил крылом макушки деревьев на скальном ребре в одном из зигзагов реки. Нил исчез, мы видели только деревья и скалы. И в ту же секунду вдруг услышали со всех сторон громоподобный гул, в котором совершенно тонул рокот мотора. Руки вцепились в сиденье, живот стал невероятно тяжелым, дыхание на миг остановилось. Тут же впереди снова показалось русло Нила, но это была картина безумного хаоса. Великая река была разорвана поперек во всю свою ширину и могучей стеной уходила отвесно вниз. Впереди нас, по бокам, вверху, внизу падали с уступа на уступ беснующиеся белые каскады, вода бурлила, рокотала, кипела, пенилась, курилась. Мрачные утесы заслонили солнце...

Ручку от себя, нас вдавило в кресла, высотный руль вкуче с сильной восходящей струей воздуха бросил машину вверх, мы влетели в изумительную радугу на фоне голубого неба и пронеслись над самым краем бушующего кратера, там, где идущий нам навстречу лоснящийся поток, как бы надломившись, обрывался в пропасть. И опять под нами Нил, но уже этажом выше, волшебным образом изменившийся – бурого цвета, степенный, неторопливый, неслышный.

И никаких круч или барьеров, ровное зеленое плато, ничем не заслоненный вид на отлогие холмы, блестящую воду и вечнозеленый лиственный лес.

– Хотите еще раз посмотреть? – спросил летчик. Не дожидаясь ответа, он развернулся, прошел над обрывом и опять бросил машину вниз, в клочущее ущелье.

– Водопад Тиссисат, – бесстрастно сообщил он, когда остался позади оглушительный рев. – Здесь Нил срывается отвесно вниз с плато. Местные называют водопад Тис Аббай. Аббай – имя Нила, а «тис» означает «дым». Получается «курящийся Нил».

Мы обернулись – в самом деле, там, где великий Нил исчезал в преисподней, к безоблачному небу, словно дым исполинского костра, поднималась завеса из мельчайших капелек.

Самолет приземлился в Бахар-Даре, и вскоре мы уже снимали тот же водопад с земли. Здесь пролежала грань между двумя мирами – или этажами двухэтажного мира. Мы знали, что совсем близко люди по-прежнему, как во времена фараонов, плавают на папирусных лодках: всего один дневной переход отделяет Тиссисат от озера Тана, в котором берет начало Голубой Нил и на котором мы рассчитывали найти папирус в неограниченном количестве.

И вот мифические Лунные горы, вот начало реки, и серебряная с чернью гладь озера Тана отражает вечерние тучки, контуры гор и макушки деревьев. В заливе что-то двигалось, словно какие-то животные с загнутым вверх хвостом беззвучно пересекали серебристую дорожку. Нырнут в тень – пропадут, выйдут опять на отливающий серебром клин – отчетливо видно длинные силуэты. Я насчитал шесть силуэтов; шесть папирусных лодок бесшумно скользили по воде там, где два лесистых мыса сдавливают озеро Тана и рождается поток, который медленно катится к водопаду.

На каждой лодке сидели люди – где один, где двое, где трое – и гребли тонкими шестами, как двухлопастным веслом. Может быть, они ловили рыбу в протоке, а может быть, просто тешились на досуге, бороздя тихие струи, с которых начинается Нил. Пониже чья-то лодка лихо неслась по белым перекатам в опасной близости от могучего водопада, но черный гребец искусно вывел легкое суденышко из бурлящей стремнины и пошел обратно к озеру, держась в тени у самого берега.

Лунные горы. Горы, вздымающиеся к Луне. Так рисовался здешний край путешественникам Средневековья, карабкавшимся вверх с берегов Красного моря или с египетских равнин. Озеро Тана лежит на высоте 1800 метров над уровнем моря, а горы кругом достигают 3–4 тысяч метров. Озеро большое – с одного берега другой не видно. На нем нашли себе приют черные монахи. Лесистые острова стали их обителью, и сотни лет только папирусная лодка связывает их с внешним миром.

Хотя уже смеркалось, я даже на таком расстоянии рассмотрел интересную особенность здешних лодок. Если на *кадай* на уединенном озере Чад корма обрезана прямо и только нос загнут вверх красивой дугой, то папирусная лодка, дожившая до наших дней в истоках Нила, сохранила исконную египетскую форму. Не только нос, но и корма изогнута вверх, причем ахтерштевень еще загибается внутрь, образуя характерный древнеегипетский завиток. И в этот тихий вечерний час я мысленно перенесся вниз по течению Нила, перенесся в далекое прошлое, когда занималась безмятежная заря истории.

Краешек тропического солнца провалился за далекие лесные кроны, и свет медленно померк, как в кинозале. Горы и озеро, скрывшись во тьме, растворились во времени. Теплый ночной ветерок принес сладкий запах благовоний и веяние нетленных тайн – дыхание островов, где календарь застыл на месте, где в наши дни живет Средневековье, лелеемое и берегаемое монахами, которые пронесли сквозь столетия образ жизни, одежду, ритуалы и веру, доставленные сюда их святыми предшественниками в ту далекую пору, когда Средневековье для всех еще было явью.

Хотя на островах высятся могучие деревья, монахи по сей день не делают ни долбленок, ни дошанок. Предки провели папирусную лодку из седой древности в Средневековье, потомки

невозмутимо ведут ее дальше, в атомный век. Вот мы и приехали к ним за наукой: им ли не знать, как вяжут папирусные лодки и где найти нужное нам количество папируса!

Откуда пришли учителя черных монахов? Древние народы, обитавшие в разных концах Нила, делились друг с другом не только папирусными лодками и фараонами. Зарождающееся христианство проникло в Эфиопию из Египта за тысячу лет до того, как в спячке Средневековья заглохли естественные связи между равнинами в устье Нила и нагорьем в его истоках. Уже около 330 года, задолго до прихода христианского учения на север Европы, в Эфиопии распространилась коптская вера. Первые христиане поселились севернее озера Тана, в древнем королевстве Аксум высоко в эфиопских горах. Позже многие из них бежали от преследований на юг, на затерявшиеся в просторах озер Тана и Звай острова. Черные монахи, нашедшие убежище на Тане, живут там уже семьсот лет, а преемственность обеспечивают, привозя на своих папирусных лодках молодежь с побережья.

Чтобы познакомиться с монахами и разведать участки папируса, мы взяли напрокат железную моторку с папирусной лодчонкой на буксире. Один предприимчивый итальянец привез две такие моторки на Тану и конкурировал с ладьями из папируса, забирая зерно на мелких пристанях и доставляя его на два центральных базара в северной и южной частях озера.

Густой лес покрывал откосы первого острова, к которому мы подошли, корни деревьев переплелись даже в воде. Мы протиснулись к суше на папирусной лодчонке и прыгнули на берег под сень листвы. Между стволами начиналась узкая тропка, здесь стояли два монаха, словно поджидали нас. В длинных облачениях с опущенным клобуком, босые, темно-коричневая кожа, черная борода. Придерживая рукой коптский крест на груди, они молча поклонились и учтивым жестом указали нам путь к стоящей наверху часовне.

У солнечной стены сушились поставленные на ребро папирусные лодки, лежали снопы сухого папируса. Часовня стояла в высшей точке острова, такая же, как разбросанные по откосу скромные лачуги монахов, только размером побольше. Круглая постройка из жердей под толстой соломенной крышей конусом.

Раздались низкие мелодичные звуки гонга – подвешенной каменной плиты, по которой колотили дубинкой, и к часовне потянулись монахи. Красивые, статные люди, как большинство эфиопов: темная кожа, чеканное лицо, орлиный нос, острая черная бородка. Тут и юноши, и зрелые мужи, и согбенные седобородые старцы. Все в грубых облачениях, босые или в открытых сандалиях; я заметил несколько апатичных, изможденных лиц. Кормились эти бедняки тем, что им давали жалкие клочки земли, да рыбой из озера. Дни проходили в молитвах, псалмопениях и раздумье.

Нас приняли как желанных гостей; можно было надеяться, что мы здесь получим важные сведения. Два старика в чалмах приволокли похожие на бочонок барабаны и, колотя по ним ладонями, затянули надтреснутыми голосами диковинные церковные песни, явно унаследованные от древнейших эфиопских христиан. Должно быть, так же пели учредители их церкви, когда пришли сюда из королевства Аксум.

Остров называется Ковран Гавриил, и архангел Гавриил богатырского роста, с мечом в руке, встретил нас, когда монахи предложили нам войти в их часовню с соломенной крышей. Его изображение, обрамленное многокрасочными библейскими сценами, украшало своего рода алтарь, который занимал всю среднюю часть часовни от пола до потолка, оставляя круговой проход вдоль стен с выходами на все стороны. По этому принципу устроены все коптские церкви на озере Тана.

Цветная роспись алтаря позволяла проследить всю библейскую историю. По словам монахов, которые подтверждаются очаровательно наивной трактовкой, алтари были расписаны лет двести – триста назад, а то и раньше. На картинке, изображающей, как фараон со своим египетским войском тонет в Красном море, только блестящие рыцарские шлемы и ружейные дула торчат из воды...

Нас попросили разуться у входа в часовню, и когда мы вышли, то вынесли с собой полчища блох, которые долго постились на церковных коврах. Я еще легко отделался, а вот порывистые движения кинооператора говорили о том, что передовые блошинные отряды быстро добрались до его подмышек и головы. Бегом спустившись к лодке, он, к великому замешательству монахов, затеял что-то вроде стриптиза с дезинфекцией при помощи пульверизатора.

К тому времени я уже успел вывести у монахов то небольшое, что они могли рассказать о плавучести папируса. Хотя для этих островитян папирусная лодка то же, что для жителя пустыни лошадь и верблюд, никто из них не пользовался ею больше одного дня подряд. Походят день – непременно вытащат на берег и поставят ее сушиться, не то очень сильно намокнет. А намокший папирус хоть и не тонет, но грузоподъемность совсем не та. Чем больше лодка, тем дольше она сохраняет плавучесть, но чересчур большие делать нет смысла, слишком тяжело вытаскивать из воды и сушить.

Да, не густо. Следующий остров назывался Нарга. Он был плоский, с папирусом в мелких заливах, но это растение нужно было самим монахам для пополнения своего флота. Они говорили, что папирус как-никак гниет; сколько ни просушивай лодки, раз в год приходится вязать новые. А в старинной каменной башне сидел монах, который вообще ничего не говорил. И не двигался с места. Только и видно темный силуэт на фоне облаков. Башня была построена царицей Ментуаб 250 лет назад, монах же уселся на верхней площадке лишь несколько лет назад, зато дал Богу обет неподвижно просидеть там всю жизнь. До самой смерти. Его собратья смотрели на него как на живого святого.

Мы поспешили к соседнему острову, Дага Стефано, его лесистые взгорья высоко вздымаются над водой. Это самый священный остров на всем озере, до того священный, что ни одной женщине, будь она хоть царица, не дозволяется сходить здесь на берег. Последний раз такая попытка была сделана 250 лет назад. Царица Эфиопии Ментуаб со своей свитой подошла к острову на большой папирусной лодке, но ее учтиво спровадили. И пришлось ей продолжить путь до Нарга, где она и соорудила храм и башню.

Дага Стефано благодаря пышной растительности очень красив. На вершине острова между древесными кронами мы различили соломенную крышу с крестом. У единственного причала стоял на страже оборванный монах с явными признаками слоновой болезни; к деревьям позади него были прислонены маленькие папирусные лодки. Волнуясь, мы ступили на священные камни: что последует? Но монах позволил нам осмотреть лодки и не стал нас останавливать, когда мы пошли по широкой тропе вверх. Могучие деревья, соломенные лачуги, монахи... Немые поклоны, рот бормочет молитву, рука придерживает маленький крест... Папирус? Они дружно показали через озеро. Вон там. Там его сколько угодно. Они сами его там берут. Сколько держится на воде? Восемь дней. От силы две недели. К тому времени он, если не затонет под тяжестью груза, все равно сгниет и развалится на волне. Папирус надо сушить. Вытаскивать лодки на берег. Больше они ничего не могли нам сказать.

В храм нас не пустили. Его овалы стены из камня, бамбука и соломы грозили вот-вот рассыпаться. Но рядом было что-то вроде каменного грота с множеством реликвий. Два улыбающихся монаха любезно ввели нас в этакий кабинет ужасов. В полумраке на полках лежали белые черепа, старинные кресты и священные предметы, принадлежавшие покойным отцам церкви. Главной святыней были накрытые материей длинные стеклянные гробы. Покрывала сдвинули, и мы увидели мощи, бальзамированные тела четырех эфиопских царей со скрещенными на груди руками. Здесь, на священном острове, они обрели вечный покой. Их привезли сюда на папирусных лодках через бурное озеро Тана, как некогда траурные процессии сопровождали мумии фараонов по тихому Нилу.

Выйдя из темного грота на волю, мы устроили монахам маленький сюрприз: они услышали собственные голоса, записанные на портативном магнитофоне. Другим тоже захотелось услышать себя. И вот все монахи сидят в ряд на широкой лестнице и хором поют в микрофон.

Звучат древние коптские псалмы. Я сижу на корточках перед ними и регулирую запись. Позади меня стоит долговязый кинооператор, согнувшись в три погибели над штативом. Вдруг я услышал страшное ругательство, от которого стрелка индикатора на магнитофоне ударилась в край шкалы, после чего откатнулась на ноль и застыла. Монахи закрыли рты и вытаращили глаза. Я обернулся и увидел, что мой итальянский товарищ исполняет какой-то лихой воинственный танец. Штатив он уже сшиб ногой и теперь торопливо стаскивал с себя рубаху. Отбросив ее, он взялся за брючный ремень.

– Стой! – яростно прошипел я. – Ты что, рехнулся?!

Мои слова не возымели никакого действия. Штаны последовали за рубахой, и Тоси, завершив стриптиз, обеими руками схватился за корму.

– Оса! – вопил он. – У меня в штанах оса!

Эх, оператор, оператор, так испортить нам последние минуты на острове Дага Стефано. Я не мог его простить, хоть и жалко было смотреть на беднягу, который не был в состоянии даже сидеть, когда мы вернулись в моторку. Монахов с лестницы как ветром сдуло, осталось лишь несколько человек; впрочем, они с признательностью приняли от нас скромную лепту в благодарность за содействие и во искупление греха, совершенного кинооператором.

В общем, визит к черным монахам нас огорчил. Послушать их, так главное – делать папирусную лодку поменьше, чтобы легче было вытаскивать ее на берег и просушивать. Не очень-то это подходит для Атлантического океана... Как только лодка освободилась, ее немедленно выносили на берег.

Чтобы упростить сушку, лодки побольше здесь делают из двух частей, которые можно выносить на берег отдельно: тонкий, так сказать, корпус с загнутыми вверх носом и кормой, а внутри корпуса – пригнанный к нему толстый папирусный матрас. Чадские *кадай* куда массивнее. Если монахи озера Тана стараются делать лодки легкими, ревностно сохраняя исконную древнюю форму, то для будума на озере Чад важнее всего капитальность конструкции.

Идя дальше через озеро, мы миновали несколько островков, ставших вотчиной бегемотов. Наше появление вызвало переполох, могучие звери, покинув свою обитель, погружались в воду и выныривали около нас. Нам объяснили, что они ненавидят папирусные лодки и всегда норовят их опрокинуть, потому что с таких лодок исстари били гарпунами бегемотов. Но когда мы столкнули в воду нашу папирусную лодчонку, бегемоты, окружив ее со всех сторон, только фыркали и тарасили любопытные глаза.

В юго-западной части озера, где берег едва выдается над водой, раскинулись обширные заросли папируса.

В одном месте сквозь папирус пробивается мутный поток, и по озеру словно расплывается бурая краска. Здесь в Тану впадает речушка, ее устье сразу и не отыщешь в густом папирусе, где прячется много крупных болотных птиц. И так как озеро питает Голубой Нил, эту речку называли Малым Нилом.

Как правило, Малый Нил настолько мелок, что на моторке по нему можно пройти всего несколько сот метров, но необычно высокий уровень воды позволил нам подняться вверх по реке до маленькой деревушки племени абайдар, лежащей в 3 километрах от озера. При появлении нашей моторки из крытых соломой круглых хижин высыпали на берег местные жители. Как нам объяснил Али, впервые одна из двух принадлежащих его итальянскому боссу моторок зашла в Малый Нил.

Встречающие спустили на воду лодки из папируса, сушившиеся возле хижин, и направились к нам, кто на веслах, кто толкаясь шестом. Самые маленькие здешние лодочки – по сути дела, поплавки, смахивающие на бивень слона; нам сказали, что они называются *коба*. Вяжут и применяют их точно так же, как в Центральной Африке, в Южной Америке и на острове Пасхи. Лодка побольше на одного человека, называется *мароча*, а наиболее обычная для Таны разъемная лодка на двух и больше гребцов – *танкуа*. Мы видели *танкуа* с экипажем в девять

человек, но нам говорили, что есть лодки, на которых перевозят через озеро до 2–3 тонн зерна. Был случай, сильный ветер унес груженую *танкуа*, и она целую неделю дрейфовала по озеру, прежде чем ее удалось пригнать к берегу, даже зерно успело прорасти.

Абайдары, как и черные монахи, считали, что две недели – крайний срок, после которого *танкуа*, пропитавшись водой, неизбежно развалится. Корпус этой лодки настолько тонок, что она извивается на малой волне, будто змея.

Все это подтверждало мои первые впечатления. Хотя *танкуа* с загнутой вверх кормой больше похожи на лодки Древнего Египта, чем чадская *кадай*, они уступают ей в прочности. И поскольку в нынешнем Египте нет ни папируса, ни строителей папирусных лодок, напрашивалось решение: взять папирус с озера Тана, строителей – с озера Чад, а образец для задуманной мной реконструкции – с древнеегипетских фресок.

Ночью разразилась жуткая гроза. Мы привязали моторку за дерево на берегу и накрылись папирусной лодкой. Гром гремел так, как это бывает, когда низкие тучи идут над самой водой. Ослепительный блеск молний и оглушительные залпы говорили о том, что центр грозы над нами. Молнии били в озеро, ударяли в берег. Вспышка, удар грома, толчок воздушной волны – и совсем рядом с нами расколосось огромное дерево! Дождь лил как из ведра. Наше имущество плавало в лодке вместе с дневным уловом рыбаков. А кинооператор крепко спал, в такую погоду он был избавлен от необходимости сражаться с насекомыми.

...На самом юге Эфиопии, с севера на юг параллельно Красному морю, протянулась в сторону Кении Рифт-Валли. Геологи полагают, что эта широкая долина, зажата между двумя горными грядами, образовалась при медленном смещении Африки на запад за много миллионов лет. На дне рифта, словно бусины, лежат в ряд большие озера. На одном из них, озере Звай, вяжут папирусные лодки. Есть отличная автомобильная дорога, и большинство озер – излюбленное место отдыха; из столицы, Аддис-Абебы, сюда приезжают охотиться, ловить рыбу и купаться. Только Звай, хотя оно самое красивое, не посещается туристами. Сюда не доходит шоссе, и здесь растет папирус, прибежище улитки, в которой вырастает личинка шистозомы, гроза любителей купанья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.